

18+

ВИКТОРИЯ МАЛЬЦЕВА

МОНОГАМИЯ

ПОЛОВИНА ДУШИ

КНИГА 3

Виктория Мальцева

Моногамия. Книга

3. Половина души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65972647

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-95406-9

Аннотация

Пронзительная история любви.

Валерия уверена в том, что у её красивого мужа появилась другая женщина. Вот уже месяц, как он не ночует дома, избегает её и детей. Что это? Измена.

Она решает уйти первой и не ждать, пока попросят собрать вещи и освободить дом на берегу залива. Роскошный особняк никогда и не был для неё домом – слишком невероятно для такой обычной девушки, как она. Не может такой яркий и успешный мужчина всю жизнь любить одну женщину, так ведь? У него неизбежно должна появиться другая – моложе и красивее. Габриэль, например.

Лера хватает детей и улетает туда, где её ждёт другой. Пусть нелюбимый, но зато надёжный бывший муж.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Неизбежное	6
Глава 2. Соседи	19
Глава 3. Габриель	25
Глава 4. Снова болезнь	41
Глава 5. Его День Рождения	48
Глава 6. Точка возврата	70
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Виктория Мальцева

Моногамия. Книга

3. Половина души

Пролог

Bee Gees – I Started A Joke

Не дай совратить себя с пути неправедного! Добродетельный ты будешь невыносимо скучен. Это-то и злит меня в женщинах. Обязательно им подавай хорошего мужчину. Причём, если он хорош с самого начала, они его ни за что не полюбят. Им нужно полюбить его дурным, а бросить – до противоположности хорошим.

Оскар Уайльд

Теоретически, если бы меня выдернули из адского цейтнота лет эдак в двадцать и спросили, соглашусь ли я жить так же сказочно, как сейчас, но при условии, что мой официальный и законный спутник, моя вторая половина, то есть муж, будет мне изменять, я ответила бы, не задумываясь, что да, конечно же, соглашусь. Мало того, при этом ещё и буду считать, что мне крупно повезло. Да, это цинично и до безобразия меркантильно, но лиха в свои девятнадцать я хлебнула так щедро, что ни лирики, ни романтики во мне не осталось

и следа. Мне казалось, я всё обо всём знаю, всё могу предвидеть, просчитать, предусмотреть. Меня не обвести вокруг пальца, не заманить в розовый сироп обещаний, не размягчить и не расплавить.

А на практике всё оказалось не так. На практике под действием большого чувства человек превращается в уязвимое и безоружное существо, для которого измена перестаёт быть досадным недоразумением, теперь она – разрывающий сердце акт с ласками и нежностью, теми, которых тебе так не хватает, твоими ласками и твоей нежностью, отобранными у тебя и подаренными другой женщине. На практике ты не можешь ни думать, ни шевелиться, поскольку истерзана муками ревности настолько, что едва можешь дойти до кухни, чтобы налить себе стакан воды. Теперь ты растение, нечто материальной формы, не наделённое ни волей, ни силой, ни способностями что-либо решать и предпринимать.

Условия задачи те же: достаток, дети, изменяющий муж. Ответ совсем иной: бежать без оглядки, спастись от адской боли, терзаний, сожалений, унижения, тоски, духовного упадка, отказаться от всего и спешить спрятаться хоть куда-нибудь, только бы не думать о дальнейшей жизни, ведь жить-то почему-то совсем не хочется.

На практике оказалось, что Валерия просто знать никогда не знала, что такое любить.

Глава 1. Неизбежное

Grizzly Bear – Slowlife

Мне тридцать три года, дочке Лурдес полтора. Алекс работает очень много, так много, что мы почти не видимся. Он уезжает часто и надолго. Мы живём почти порознь. Он говорит, что у него масштабные, сложные проекты, закончит их, и жизнь наладится. Но мы теперь почти не спим вместе. В этой точке моей жизни секса не было больше двух месяцев. Это о многом говорит, не так ли?

Габриель

Женщин вокруг Алекса всегда было много, и я так и не научилась адекватно к этому относиться. Они не просто находятся в возмутительной близости, они желают его, и это написано на их лицах, угадывается в жестах, кроется в словах. Они все и всегда стремятся прикоснуться к нему, и это убивает.

Габриель – родная сестра Кристен. Да, та самая, которая повсюду за ней таскалась, только теперь на ней нет очков, она сменила джинсы на платья, косу на распущенные локоны, её грудь выросла с первого до почти четвёртого, у неё такая гладкая от природы кожа, что лоснится как шёлк, и её хочется гладить.

Габриель с детства влюблена в Алекса. Ну конечно, в ко-

го ж ещё ей было влюбиться? Будь я на её месте, и меня совершенно точно постигла бы та же участь. Выяснилось это почти сразу: в один из вечеров вскоре после переселения в Штаты я наблюдала за компанией на террасе, недоумевая, потому что в тот вечер Алекс работал, и мне совершенно не было ясно, какого чёрта все эти люди делают в моём доме, на моей террасе? Когда Алекс неожиданно вернулся, и гости начали, как обычно, шутить и смеяться, я заметила, что очкастый подросток не сводит с моего красивого мужа глаз. Так же было и в следующий раз, и потом тоже, всегда.

Мне было забавно за этим наблюдать – девочка в буквальном смысле ела моего мужа глазами, жадно, ненасытно. Было забавно, да. И я даже представить себе не могла, насколько «забавно» станет мне в будущем.

Теперь ей восемнадцать, скоро девятнадцать лет, и она совершенно другая: знойная, красивая, свежая, чистая. У неё нет отбоя от кавалеров, но она отшивает всех и смотрит только на Алекса. Он при встрече нежно целует её в щёку и, кажется, ни о чём не подозревает, а она машет ресницами и дарит ему невероятно нежный, сексуальный взгляд. Я наблюдаю за этим с поистине стоическим терпением. Габриель далеко не единственная, кто так на него смотрит, что же мне всех женщин истребить?

И вот у меня не было секса почти два месяца. Кто виноват? Габриель или кто-то другой? На роль кого-то другого я сходу назову три десятка имён, не останавливаясь, и это бу-

дут только самые вопиющие случаи поглаживания его груди в районе раскрытого ворота рубашки, нежного разминания его бедра изящной наманикюренной рукой, шептания пухлыми губами интимностей ему на ушко, кокетливо сексуального отпивания из его бокала, ласкания волос на его буйной и невозможно, до истомы в животе, сексуальной голове. Да, было время, когда я запускала в них свои руки каждый день и по нескольку раз. Было и прошло.

Да, я знала, всегда знала, что всё закончится. Вопрос был лишь в том, когда это случится, и, нужно отдать должное, продержалась я долго. Честно говоря, даже не рассчитывала на такой срок – по моим прогнозам это мог быть максимум год, но их прошло уже больше трёх. Неплохой результат в целом... но как же больно! Невыносимо, нестерпимо...

Я – зомби, бесцельно слоняющийся из угла в угол и не способный ни на чём сосредоточиться: ни готовиться к экзаменам, ни заниматься детьми.

Let It All Go – by Birdy & Rhodes

Некоторые дни нашей жизни канули в бездонный колодезь забвения, а некоторые запечатлелись в памяти, как дизайнерские открытки. Это был один из таких дней, вернее даже, это был вечер. До безумия красивый и грустный вечер: закат, солнце уже село, небо раскрашено яркими оттенками жёлтого, оранжевого, пурпурного, на море полный штиль. Море как зеркало, огромное зеркало, отражающее все перипетии наших судеб: годы летят, люди рождаются, люди умирают,

остаются другие люди, а море всё отражает и отражает бесстрастно картины нашего быстротечного бытия.

Я сижу в одной майке за столиком на крытой террасе, хотя сейчас июль, мне уютнее в доме. Пытаюсь вникнуть в свою математику – мне нужно сдавать экзамен, но мозг отказывается обрабатывать входящие данные. Мой мозг в прострации... У него защитная реакция, он отключён, чтобы не думать о том, о чём я заставляю его думать – о нашем с *ним* будущем.

Ведь нужно же что-то решать.

С горечью вспоминаются слова Алекса про развод: «Его не будет». Господи, как непостоянны мужчины! Мы, женщины, знаем об этом, но всё равно верим им.

Как же так? Ведь я-то не верила! Я знала, всегда знала, чем всё закончится, и все эти годы ждала приближения неизбежности, ждала, но не готовилась – понимала, что бесполезно.

Я почти уверена, что это Габриель. Чёрт, будь я на его месте, я сама бы не удержалась – так много секса и влечения в смуглом теле и рыжеволосой голове этой юной девчонки. Конечно же, это она: моложе меня на четырнадцать лет, свежа, как первая майская роза. Как мне, трижды рожавшей, с больными почками и не только ими, тягаться с ней? Мы бегуны на разные дистанции.

В тот вечер Алекс неожиданно вернулся – его не было больше месяца. Нашёл меня на террасе и сел напротив, смот-

рел в глаза, а я впервые не могла понять, что в них. Мы больше не были одним целым, не сохранилось ни одной нити – все оборвались.

Я ждала, что он заговорит о разводе, но он молчал. Я тоже. Честно говоря, мне было, что сказать, но боль так измучила, истерзала, что я боялась разрыдаться, если открою рот, а это уже унижение. Для меня нет ничего хуже унижения. Поэтому мы молчали оба. Я отвела взгляд первой и стала смотреть на море. Алекс поднялся и ушёл к детям, а ночью так и не появился в нашей спальне – уснул в комнате Лурдес.

Я поняла, что это конец.

Но как уйти и не поговорить? Так же нельзя! Пишу ему SMS с датой и местом нашего судьбоносного разговора. Он отвечает тем же способом, что явится непременно.

И вот, мы сидим у окна в ресторане «Париж». За стеклом торопится быстротечная городская жизнь, но у нас, в нашем маленьком мире, нависшем над кованым столом с белой льняной скатертью, время остановилось.

Я никак не могу начать разговор. Я – одна гигантская, выжженная кислотой рана, и сейчас меня начнут посыпать солью. Изо всех сил стараюсь не делать щенячьи глаза.

Алекс жалеет меня и начинает первым.

– Ты изменилась.

– Ты изменил меня.

– Я не хотел этого.

– Никто не хочет. Некоторые вещи происходят сами со-

бой.

– Это верно.

Молчание, опять долгое и густое, как кисель.

Наконец, я собираю всю свою волю в кулак. Самое главное для меня сейчас – держать под контролем слёзы:

– И в самом деле, всё изменилось. Пришло время, я думаю, менять правила игры.

Его лицо вытягивается.

– О чём ты?

– Ты знаешь, о чём.

Опять молчание. И снова начинает он:

– Почему?

– Мы уже это озвучили: всё изменилось.

– Я не позволю.

– Боюсь, я не вижу надобности спрашивать.

– А Лурдес?

– Конечно, она будет с матерью, ты же знаешь.

– Ошибаешься.

– Детям с матерями лучше.

– Не в нашем случае.

Я не понимаю, на что он намекает, так как вроде бы я была ей неплохой матерью, и решаю, что, вероятнее всего, он говорит о деньгах, ведь все его жёны уходят ни с чем.

Отвечаю на этот намёк:

– Мне ничего не нужно. Я заберу только дочь.

– Я не отдам.

– Это бесчеловечно.

– А ты сама по-человечески поступаешь?

Я снова не могу его понять. Может, он хочет, чтобы я терпела его измены, и мы жили как рыбки в аквариуме: у всех на виду, женатые, но не муж и жена, ради ребёнка?

Говорю:

– Это не мой вариант.

Двусмысленный ответ, и это доходит до меня только потом.

Алексу приходит SMS, он читает, на его лице напряжение и злость. Почти сразу он встаёт и, уходя, бросает мне:

– Бери, что хочешь, дочь не получишь!

Я в ужасе и шоке. Если я от кого и могла ожидать такое, то только не от этого человека...

“In this shirt” by the Irrepressibles

Спустя час мои ноги бесцельно бредут по осенним улицам Сиэтла. Мысли, мысли, мысли – так много, что я вынуждена отмахиваться от них, словно от тучи воронья.

Захожу в парк, тащу себя по аллеям, пытаюсь принять очень важные решения, выстроить цепочку собственных действий, обдумать их последовательность, очерёдность. Это очень важно сейчас – сделать всё правильно.

Уже сидя на скамейке вдруг понимаю, что мне легче... потому что я слушаю музыку. И она восхитительна: уличные музыканты – совсем ещё молодые ребята – поют под гитару старую романтическую песню. У них выходит красиво,

необычайно красиво для уличных певцов.

Решение приходит внезапно: «Гори синим пламенем эта Америка! Я еду домой! Домой! Домой!». И в то же мгновение будто тяжкая ноша срывается с моих плеч, лавиной сходит в пропасть у моих ног. Я жадно вдыхаю ртом воздух и вдруг понимаю: «Господи, я задыхаюсь ментально, эмоционально и физически!». И сразу за ней: «Поделом тебе, дура! Прочувствуй, наслаждайся! Теперь ты знаешь, что ты сделала с Артёмом! А ведь дети ещё при тебе!». Слезы льются ручьями по щекам, стекают на шею, как ни три. В последний раз я так рыдала, наверное, только в детстве – со всхлипами, неукротимо. Прохожие смотрят на меня: кто с сочувствием, кто с подозрением, а мне так плохо, что даже не стыдно.

Это не любовь, говорю себе, это болезнь, а от болезни нужно лечиться, и лучше радикальными методами.

Именно такой, иррационально-радикальный метод и пришёл мне на ум пару мгновений назад. Я знаю, что сделаю: вернусь к бывшему мужу, ведь запасной аэродром уже заготовлен перепиской в Фэйсбуке. Артём так и не переехал в Сиэтл – гордость не позволила, и я уважала его за это. Дети ездили к нему дважды в год, Артём не женился, жил один, и когда я поделилась с ним своими невзгодами, сам написал: «Возвращайся домой. Я буду ждать тебя и детей. Пусть это будет нам уроком».

Так я и делаю: хватаю детей и еду в аэропорт. Пока этот сукин-сын опомнится, я буду уже дома. И пусть попробует

забрать ребёнка оттуда!

Артём встречает нас тепло, теплее некуда. Похоже, все довольны. Мы успокаиваемся и обнимаемся. Артём говорит:

– Настройся отдать ему Лурдес.

– Почему это?

– Ты же знаешь, он всё равно её заберёт.

В больном или радостном угаре я и думать забыла, что у Лурдес только американский паспорт, и что Алекс может затребовать её по закону в любое время. Только в этот момент меня посещает мысль, что, наверное, не стоило оставлять свои карточки на кровати в спальне Алекса. В тот момент мне хотелось бросить ну хоть один гордый жест. Теперь я уже жалела об этой глупости – сама же лишила себя обундирования и снарядов в предстоящей войне.

Да, конечно, он заберёт Лурдес, и ничего я с этим не сделаю. Тогда какого чёрта я сбежала и припёрлась сюда? Почему не стала разводиться с ним в Штатах? Там, мне хотя бы назначили график встреч с дочерью по суду, и, может быть, досталось бы какое-нибудь жильё.

От внезапного понимания, каких глупостей натворил мой воспалённый от обиды и ревности мозг, меня бросает в жар. Я вскакиваю с постели и бегу на воздух – опять эти нервные, жадные вдохи ртом... Кто я? Выброшенная волной на берег рыба? Или та, которая выпрыгнула сама?

Kodaline by High Hopes

Дни ползут в страхе, панике, оцепенении: я жду, что люди

Алекса из его службы безопасности во главе со знаменитым своей жестокостью Пинчером явятся в своих чёрных костюмах за моей дочкой, заберут её, а я только беспомощно буду рыдать им в след.

Проходит неделя, но чёрных костюмов нет. Я начинаю думать, что, может быть, Алекс не вычислил меня? Может же быть такое, что он просто не знает, где я? Он же не вездесущ!

Проходит ещё неделя, и тишина. И я, как это свойственно глупому человеку, понемногу начинаю успокаиваться, решаю впервые выйти с Лурдес на прогулку: мы забираем Со-ню из школы, отмечаем её первый день в учебном заведении поеданием мороженого в кафе, потом гуляем в парке. Соня без остановки сокрушается, как же всё ей тут не нравится и как же хочется ей домой, что в школе дети злые, и учительница накричала на неё в первый же день. Мои руки сжимают виски – я всерьёз не знаю, что отвечать ребёнку. Масштабы последствий принятого в горячке решения теперь разворачиваются во всей красе.

Мы уже почти подходим к дому, когда я, наконец, вглядываюсь в стоящие на обочине машины и вижу среди них чёрный Порше. В груди мгновенно всё сжимается и каменеет. Как только дверь машины открывается, я хватаю на руки дочерей и что есть мочи бегу к дому.

Меня ловят знакомые руки, но я вырываюсь, они снова меня ловят:

– Не бойся, мы только поговорим! Успокойся, остановись!

Я НИЧЕГО не сделаю!

Мой эмоциональный фон раскалён до предела: в ушах звенит от страха потерять ребёнка – младшего, родного, любимого, – животная радость от внезапной и неожиданной близости Алекса, боль от унижения, жгучая потребность в его прикосновениях, ненависть за предательство, жажда его любви и ласки, его внимания, злость за крах моего мира. Всё это кипит во мне, как в котле ведьмы.

Только Алекс способен утихомирить меня в этот момент, что он делает: просто смотрит в глаза и повторяет, как мантру:

– Я не сделаю тебе ничего плохого, ты это знаешь. Я не причиню никакой боль ни тебе, ни Лурдес. Она будет с тобой! Успокойся, всё хорошо. Мне нужно только поговорить. Мы только поговорим!

Я верю, и я остываю.

К тому же, мелькнувшая в окне фигура Артёма отрезвляет – я думала, он выбежит мне помочь, но он этого не сделал. Не сразу, но до меня доходит, что решать проблемы с Алексом придётся один на один, и никто не придёт мне помогать. Никто. В этой ситуации мне просто ничего не остаётся, кроме как довериться ему.

И я хочу с ним поговорить, но... меня тошнит. Впервые в жизни меня тошнит на нервной почве. Такое позорное предательство тела в такой важный момент. Что странно, Алекс становится ещё мягче.

– Видишь, что ты делаешь с собой! Одни глаза на лице от страха. Разве я когда-нибудь причинил тебе вред?

Он уже одной рукой обнимает детей и заботливо придерживает мне волосы, чтоб я их не испачкала. Не только Лурдес, но и Соня льнёт к нему, как к родному – похоже, истерика только у меня.

– Ты сказал, ты заберёшь Лурдес! Я знаю, ты можешь! Ты всех и всегда покупаешь!

– Тебя я тоже купил?

– Меня нет.

– Вот видишь, ты сама себе противоречишь. А это означает, что ты не права. И ведёшь ты себя неправильно. Всегда можно договориться, всегда и всё можно решить мирно!

Алекс как никогда мягок и смотрит на меня почти с любовью. Я догадываюсь, что он играет: ему нужно меня убедить сделать так, как он считает нужным. И чтобы я была поговорчивее, он превратился во внимательного и ласкового Алекса, такого, которого я уже не видела многие-многие месяцы.

Мирное решение заключалось в следующем: я возвращаюсь с детьми и Артёмом в дом на берегу. Алекс уходит, но может видеться с Лурдес и другими детьми, когда захочет. В материальном плане его устроят любые варианты, но при условии, что я не выхожу замуж за Артёма, в обратном случае, имущество будет оформлено только на детей, причём всех троих. Всё чётко, как в офисе при обсуждении контрак-

та.

Такое будущее ГОРАЗДО лучше того, которое я уже успела нарисовать себе, и поэтому согласилась. К красивой жизни привыкаешь быстро, и вот она снова ко мне возвращается, но... **НО В КАКОМ ОБЛИЧИИ!**

Глава 2. Соседи

Любить глубоко – это значит забыть о себе.

Жан-Жак Руссо

Zuccherò – Il Suono della Domenica

Если когда-нибудь вы видели медузу на пляже, которую выбросило волной, и которая медленно разлагается и высыхает – это то, что будет происходить со мной в ближайшие годы. До сих пор не могу до конца понять, как я пережила это, как я выжила.

Спустя два месяца я просыпаюсь утром в спальне, в которой не спала ни одна женщина, кроме меня, и в которой вместо Алекса теперь живёт Артём. Я считала, что Артём навсегда останется мне близким человеком: мы прожили вместе годы, пережили бури, родили двоих детей, у нас были мечты и планы когда-то. Но оказалось, это не так. Мы чужие, он больше не мой человек, и самое страшное – я постепенно начинаю понимать, что он никогда и не был. Как случилось, вообще, что мы соединились, да ещё так прочно?

Я просыпаюсь от шума, выхожу на террасу и вижу: справа от нас кто-то купил участок и взялся строить дом – небольшой, явно меньше нашего. Рабочие отбойными молотками ровняют скалистую поверхность для фундамента и террасы. Пыль столбом и невыносимый грохот.

Я звоню и жалуюсь Алексу, слышу в ответ:

– Хорошо, я поговорю с рабочими, чтобы с утра делали какую-нибудь другую работу.

– Что это значит?

– Это значит, что я строю себе дом по соседству. Согласись, это отличная идея – Лурдес будет близко к обоим родителям.

Следовало ожидать чего-то подобного от Алекса. Это совершенно в его духе, поэтому я даже особенно не удивилась и... обрадовалась! Да, я безумно обрадовалась, полагая, что теперь смогу видеть его чаще. Хотя бы это, хотя бы видеть. Ведь я... люблю его.

Стройка продвигается быстро – на всё уходит около трёх месяцев. Американские дома возводятся, вообще, очень скоро, ведь их не из камня строят, как у нас, а из готовых панелей, как конструктор. Алекс же возводит свои здания по собственным технологиям, где главное – экологичность, экономичность, эргономичность, поэтому в них много стекла. Дом Алекса получается не менее красивым, чем мой, но раза в три меньше и только с одной небольшой террасой – похоже, он не собирается устраивать у себя вечеринки. Ещё около месяца рабочие доделывают нюансы, и ещё пару недель – ландшафтные работы. Дом готов. Дом ждёт его. Но, где же он сам?

Я жду его приезда каждый день. Мне нужно видеть его. Хотя бы видеть. У меня уже давным-давно развилась стойкая зависимость, потребность в его лицеизрении. Я испыты-

ваю к себе отвращение, потому что это как раз то, что он так ненавидел, не терпел, презирал. У него были свои странности, и это одна из них: однажды он мне признался, что чужие взгляды словно выпивают его, он физически страдает от разглядываний. И его по-настоящему интересуют только те люди, кто видит в нём личность, характер, его достижения, но не внешность. Он не понимал, что его красота – наркотик для других людей, и мужчин, и женщин: попробовав однажды, уже не можешь отказаться, испытываешь изнуряющую потребность, нестерпимый голод смотреть, выпитывать глазами.

Мы практически не пересекаемся, совсем не видимся. Алекс приезжает к детям, только когда меня нет дома – для этого и попросил составить моё расписание и дать ему сразу же после моего возвращения из непутёвого бегства. Я каждое утро уезжаю на учёбу, а возвращаюсь после обеда, иногда ближе к вечеру.

Артём, ошалевший от внезапно обрушившегося на него достатка, даже и не думает работать, и это очень меня удручает, безнадёжно отвращает от него. Мои карточки при мне, счета больше не пополняются, но денег там скопилось за годы жизни с Алексом на триста лет сытой жизни вперёд. Я ими не пользуюсь принципиально, поэтому расходы на содержание моего гигантского дома и Эстелы Алекс оплачивает сам. Разворачивается непростая и какая-то плохо пахнущая ситуация, но я изменить ничего не могу, только уехать

обратно, а эту глупость я уже совершала.

Сидя за барной стойкой на кухне, я обдумываю всё это и разглядываю новую мебель. Вообще, по возвращении я не узнала ни нашу столовую, ни спальню – они изменились: другая мебель, другие предметы интерьера, другая техника, исчезла панель с аквариумом, и вместо неё теперь ничего нет.

Как только в кухню входит Эстела, спрашиваю:

– Эстела, ты не знаешь, почему Алекс убрал аквариум?

– Знаю, – мнётся и недобро на меня поглядывает, не отрываясь от своих дел. Явно не хочет разговаривать.

– Так почему же?

– Он разбил его.

– Разбил?! Как он умудрился?

Отвернувшись, Эстела продолжает вынимать продукты из пакета, укладывает их на полки холодильника. На продукты и прочую дребедень она получает деньги тоже от Алекса.

– Эстела, почему ты не хочешь со мной разговаривать?

– Вам показалось, сеньора.

– Расскажи, как Алекс аквариум разбил.

– Он взял большой стул и разбил его, и всё остальное тут тоже разбил и сломал.

Я оторопеваю.

– Он был очень зол... я испугалась и спряталась в своей комнате. А он ещё наверху в спальне всё сломал. Я очень боялась, никогда раньше не видела его таким! Потом он вышел на террасу и подошёл к краю бассейна, – тут она отворачи-

вается, трёт глаза, затем, вздохнув, продолжает. – Слишком близко к внешнему краю! Я испугалась и выбежала, взяла его за руку и попросила не делать этого! Это такой грех! Он плакал, он так плакал!

На меня будто упала бетонная плита и придавила так, что я совершенно потеряла способность соображать.

А Эстела продолжает:

– Он вас любит! Он так вас любит! Сколько живу ещё не видела, чтобы мужчина так любил! А вы бросили его!

– Ты много чего не знаешь, Эстела, – едва выдавливаю из себя. – Он любит не меня, а свою дочь. Я забрала у него дочь, поэтому он так взбесился, но на него и впрямь это совершенно не похоже. Он ведь всегда такой сдержанный, спокойный, рассудительный.

Эстела долго смотрит на меня с нескрываемым осуждением и мудростью, но ничего не говорит.

Позже я долго обдумываю её слова, спрашивая себя снова и снова, почему же он плакал? И почему стоял у края бассейна? Там ведь скалы, если бы он остутился или... прыгнул, он не выжил бы, это точно. И впервые в мои стройные суждения о нём закрадываются сомнения. Впервые я допускаю, что могла и ошибиться.

Внезапный шум заставляет меня выйти на террасу. Это Алекс. Он приехал в свой новый дом не один. С ним... Габриель! Габриель и живот, на четыре-пять месяцев беременности.

Внутри меня что-то отрывается и улетает в Космос. Кажется, это была моя душа...

Глава 3. Габриель

Possibility – Lykke Li

Проходит ещё год. Теперь мне тридцать четыре. Я окончила учёбу, и мне предложили место младшего преподавателя на практических занятиях по алгебре на первых курсах. Я занимаюсь любимым делом, достойно зарабатываю и больше не пользуюсь финансовой поддержкой Алекса. Артём увлёкся программированием, кажется, он, наконец, нашёл себя. Мы продолжаем жить в доме на берегу, но у меня уже есть планы и на этот счёт. В свободное время я занимаюсь йогой и работаю над своей диссертацией: «Некоторые методы проекционного типа численного решения одного класса слабо сингулярных интегральных уравнений». Интегральные уравнения возникают при математическом описании механических, физических и других процессов, но, несмотря на значительное продвижение в этой области, методы их приближенного решения исследованы еще явно недостаточно. Этим исследованием я и занимаюсь, и поглощена им полностью. Это дело будет моей гаванью и смыслом жизни в течение нескольких последующих лет.

На моём лице всегда горит неонам яркая вывеска удовлетворения, благополучия и покоя. За ней – разбитое сердце, изнемогающее от боли.

У Алекса родилась ещё одна дочь – Аннабель, он сам дал

ей имя. Мои любимые Габриель и Аннабель – так теперь он называет своих близких. Он много работает, как и прежде, но всегда находит время для детей, причём всех – и тех, которые не имеют к нему отношения тоже. Мои дети любят его всем сердцем, и от этого мне ещё тяжелее. Редко, но мы видимся – в основном на совместных вечеринках. Его лицо, как мне кажется, тоже выражает умиротворение и покой, похоже, он доволен жизнью, получил то, что хотел. И это дала ему Габриель – бывшая угловатая девочка, которую никто не замечал. И всё-таки это оказалась Габриель – моя интуиция меня не подвела, что-то внутри меня всегда знало: рано или поздно он выберет её. Так и случилось, и, кажется, они счастливы. Он относится к ней с теплом и нежностью, той нежностью, в которой купалась когда-то я... моей нежностью.

Я вижу, как его рука гладит её волосы или обнимает талию, как его губы целуют её лоб, и представляю себе не нарочно – это выходит само собой – как он занимается с ней любовью, и это доводит меня до иступления. Моя личность парализована зависимостью, чувством к нему, которое страшно назвать любовью. Оно больше похоже на болезнь, злокачественную хворь, которая съедает меня изнутри. Я изо всех сил стараюсь выкинуть Алекса из своего сердца, но оно держит его мёртвой хваткой – так же самозабвенно, как сам он не выпускает руку Габриель из своей.

У нас случаются вечеринки с его и моими друзьями, мы

устанавливаем их чаще на нашей террасе – она больше, и у Алекса нет бассейна. Я не любитель вечеринок, но сейчас их обожаю, потому что для меня это единственная возможность видеть *его*. Люблю бесконечно, безмерно, безгранично, люблю тихой большой любовью. Но, мне кажется, я достаточно хорошо скрываю свои чувства, и никто ни о чём и не подозревает.

Главное для меня сейчас – хотя бы иногда, хоть изредка, пусть издали и мельком, но видеть. Я стараюсь делать это незаметно, украдкой, и люблюсь им, его телом, его руками. Я мечтаю о нём, смотрю на его волосы, когда он беседует с кем-нибудь и представляю себе, как мои пальцы купаются в его прядях, почти ощущаю их мягкость и упрямство. Обвожу взором контуры его губ и касаюсь их мысленно своими лишь слегка – так, чтобы он ничего не почувствовал. Я мечтаю дотронуться до него, но это абсолютно невозможно, ведь он, похоже, избегает меня: приходит к детям, только когда меня нет, решает бытовые вопросы через Артёма, Эстелу, деловые и финансовые – через своего адвоката. Я забыла, когда мы в последний раз разговаривали с ним. Ах да, это было в мой день рождения, полгода назад.

Он сказал:

– Поздравляю тебя. Желаю тебе счастья.

Улыбнулся и посмотрел в глаза, да, один единственный раз он посмотрел мне в глаза именно тогда. Я не вижу его взглядов больше. Совсем. Их просто больше нет, как и како-

го-либо интереса ко мне. Это трудно выносить. Очень трудно. Нет таких слов, которые могли бы выразить изнуряющую тоску по нему. Теперь я во всей полноте переживала то, что переживали сотни (или тысячи?) его бывших, или никогда не бывших, но просто влюблённых. Моя душа истерзана, в меня будто попал метеорит и выбил огромный кусок ткани, во мне зияет дыра, но я почему-то ещё дышу, ещё живу, ещё вижу... вижу его. Я рана, огромная рана, я кислотный ожог, я продолжаю разлагаться на атомы, я уничтожаю себя, медленно, но уверенно я иду к концу.

Birdy – All You Never Say

Однажды мне довелось случайно столкнуться с ним в даунтауне Сиэтла. В то утро я проснулась с чувством, что новый день принесёт мне нечто хорошее, радостное, неожиданное. Солнце заливало наш дом по-зимнему мягким золотым светом – явление крайне редкое в обыкновенно пасмурном и депрессивном Сиэтле. И это было чудесно – тот день, и то событие, которое он подарил, стали моим чёрным шоколадом в голодное время пост ядерного апокалипсиса, потому что в состоянии постоянной депрессии и хронической хандры подобные презенты судьбы воспринимаются не иначе, как нечто спасительное, подоспевшее едва ли не в последний момент.

Я и мои трое детей в моём черном Порше на пути в школы. На перекрёстке мы стоим в длинной очереди, ожидая переключения светофора, солнце слепит нас своими луча-

ми через лобовое стекло. Нам повезло, и сейчас, именно в это утреннее время мы даже можем видеть его не слишком яркий золотой диск, повисший между рядами небоскребов прямо над широкой и бесконечно длинной улицей. Дети спорят и шумят, их перебранки никогда не заканчиваются, поэтому я даже не стремлюсь вникать и разбираться кто прав, а кто виноват, и просто наслаждаюсь солнечным светом, его теплом, ласкающим моё лицо и растапливающим многие мои страхи, мимолётным и едва уловимым счастьем от осознания своей жизни и её временами открывающейся прелести в простых, обыденных вещах и явлениях.

Мои глаза на мгновение переключаются с солнца на левый ряд дороги, в который мне ещё предстоит перестроиться, и я вижу через два автомобильных стекла Алекса: его машина стоит рядом с нашей, и в эти секунды мы находимся в каких-то двух метрах друг от друга. Он не видит меня и что-то сосредоточенно, необычайно серьёзно говорит, хотя в машине никого нет, и я понимаю, что это громкая связь.

Меня пронзает и пропитывает радость, сердце разгоняется в бешеном галопе, мне кажется, оно уже готово выпрыгнуть на торпеду, у меня взмокли ладони, и мне уже совершенно очевидно, что я и гордость – явления несовместимые. Мне стыдно. Думаю о том, что лучше бы он так и не заметил нас. Но, если заметит – я смогу увидеть его карие глаза, его всегда умный и глубокий взгляд. Господи, как же мне нужно увидеть его глаза! Хотя бы несколько мгновений по-

быть центром его внимания! Внезапно понимаю, что именно его глаз мне не хватает больше всего, ведь это единственный честный способ нашего диалога. Честный и даже искренний, потому что спрятать что-либо невозможно. Но с момента нашего расставания я так мало значу для него, что он не достаивает меня взглядами вообще, я словно невидимка, пустое и ненужно нечто.

В этих печальных мыслях я решаюсь ещё разок взглянуть на Алекса, потому что автомобили перед нами начали двигаться, через мгновения мы разъедемся, и в следующий раз мне посчастливится увидеть его только месяцы спустя, через многие-многие месяцы долгого и тоскливого ожидания.

Неожиданно я наталкиваюсь на его глаза – он смотрит на меня и немножко улыбается, потом отрывает кисть от руля в приветственном жесте, и я повторяю за ним, подобно зеркалу, идеально отражаю его движения: тот же диапазон радости и тепла в улыбке, та же амплитуда отрыва пальцев от диска руля... Мы соединены взглядами на скупые мгновения, но меня оглушает неожиданный эффект наполнения, насыщения энергией и волей к жизни, и самой этой жизнью, мне будто делают искусственное дыхание, и я оживаю.

Алекс – удивительный человек, но ещё более поразительно его влияние на меня. Как странно, что, имея такую связь с ним, я живу совершенно отдельной жизнью, ведь по ощущениям – он часть меня, а если это так, то и я тоже должна быть частью его. Но это только теория, а жизнь – слишком

сложное явление, чтобы надеяться на такие простые законы.

Мы разъезжаемся, и я думаю о том, что моё непроизвольное подражание символично: я действительно в этот период своей жизни не личность, больше не принадлежу себе – теперь я только отражение болезненно желанного когда-то «моего» Алекса. И уже весьма размытое.

Ещё я размышляю о том, как странно всё устроено в жизни, как непостоянно и как безнадёжно нестабильно: ведь этот человек в духовном и физическом плане совсем недавно был частью меня, мы спали в одной постели, пили из одной чашки, любовались одними и теми же закатами, делили боли, страхи и радости на двоих, стали родителями и соединили свои гены в прекрасном ребёнке, а теперь мы, словно чужие, случайно сталкиваясь в городской суете, приветствуем друг друга коротким жестом, лишённым чувства и тепла, даже намёка на близость или хотя бы память жившего когда-то в наших душах родства. Теперь мы чужие, и, отдав долг этикету, разъезжаемся каждый по своему маршруту своего отдельного жизненного пути.

THE XX – Angels

Два месяца спустя мне приходит в голову действительно стоящая мысль бросить себе спасательный круг, и я еду к Алексу в офис поговорить. Без предупреждения, потому что мы с ним вообще не пересекались. Можно было позвонить, и я звонила, но он не брал трубку. Так как мне очень срочно понадобилось это сделать, и я боялась растерять весь ку-

раж, не придумала ничего лучше, как навестить его на работе. Почему-то мне показалось, что там наша беседа будет конструктивнее. Примечателен не сам наш разговор, а то, чего мне стоило прорваться к нему.

В фойе высотного здания девушка на рецепции сразу же сообщает, что мистера Соболева сейчас нет на месте, он на объекте. Я разворачиваюсь к выходу, но замечаю заплаканную мордашку в кресле и останавливаюсь, как вкопанная. По её позе очевидно, что она тут давно. У меня во рту мгновенно появляется горьковатый привкус, я чувствую, как вся сморщиваюсь. Пока стою, ко мне подходит женщина в красивом костюме, хватаяет меня под локоть и отводит в сторону.

– Я знаю, кто вы. Почему вы не пытаетесь встретиться с ним другим способом? Одним из тех, которые доступны только вам?

– Я звоню, он трубку не берёт, а мне нужно срочно с ним переговорить, – отвечаю, не до конца понимая, в чём интрига.

Она качает головой и тихо сообщает:

– Конечно, он не на объекте. Это стандартный ответ для девушек, – и тут она со значением смотрит мне в глаза, затем кивает на заплаканную девицу. – Таких здесь хватает, а у охраны есть инструкции.

Я только и могу, что пролепетать:

– Боже... И они вот так ждут его в фойе?

– Да, – кивает. – Такая картина здесь – обыденная вещь.

Не все конечно так рыдают, некоторые просто ждут. Но он никогда не пользуется центральным входом: есть несколько других способов войти в это здание.

– Ясно. Спасибо за информацию. Я найду другую возможность связаться.

Всё это безжалостно отрезвляет, горечь во рту становится невыносимой: теперь я одна из них – отвергнутых, несчастных, одиноких, безнадёжно больных им.

Я освобождаю руку, собираясь уходить, но женщина снова меня останавливает:

– Постойте, сейчас я сделаю звонок.

И хотя она отходит немного в сторону, мне всё же слышно часть разговора.

– Да, это важная персона. Думаю, тебе лучше спуститься и поговорить с ней. Как хочешь, но смотри, чтобы у тебя не было потом проблем. Да-да, абсолютно уверена. Хорошо.

Моя спасительница с довольным видом отключает телефон и спешит обрадовать:

– Кажется, мне удалось всё устроить. Сейчас за Вами придёт его личный секретарь.

Личный секретарь – девица с шикарным лицом и невероятно длинными ногами в строгом чёрном брючном костюме. Эта дама выглядит, скорее, не как секретарь, а как директор. Её необычные, плавные, уверенные движения завораживают. Жестом она приглашает меня следовать за ней и, когда мы оказываемся в отдельной комнате, снова жестом указы-

вает на кресло. Сразу начинает допрос.

– Кто Вы?

Я называю имя, нарочно используя свою бывшую фамилию, имя Алекса.

– Я хорошо знаю миссис Соболев. Она часто бывает здесь, – ставят меня в известность, приподняв бровь.

– Я бывшая миссис Соболев и всё ещё пользуюсь прежним именем.

– С какой целью вы просите о встрече?

– Я не прошу о встрече. Я пришла поговорить с бывшим супругом по личному вопросу.

Подняв на этот раз уже обе свои идеально ровные брови, она замечает:

– Если мистер Соболев будет решать все личные вопросы, которые возникают у дам, боюсь, ему некогда будет работать.

– А я боюсь, милая девушка, вы окажетесь без работы, если в решении моего вопроса мистер Соболев не примет участия, ведь произойдёт это по Вашей вине, – я тоже умею играть в эту игру.

Отработанный на троих детях железный тон имеет нужный эффект – мы поднимаемся на этаж номер сорок – его этаж. Однажды я здесь уже была, давно, правда, и тогда секретари встречали меня с улыбкой и тут же провожали самым кратчайшим путём к *нему*. Как всё изменилось.

The XX – Together

Меня просят ждать в фойе «личного» этажа, а «лич-

ный» секретарь удаляется на переговоры по поводу «личной» встречи с моей персоной.

Не успевает дверь за ней зарыться, как они уже выходят из неё вдвоём. Я знаю, что за двумя просторными тамбурами находится конференц-зал – там я тоже однажды была, и необъятный стол из прочного бирюзового стекла навсегда останется в моей памяти.

На личном секретаре нет лица. Она подходит ко мне и, не глядя в глаза, просит:

– Извините за задержку, миссис Соболев.

Алекс при виде меня удивлённо поднимает бровь, затем, когда отворачивается, я успеваю заметить, как он расплывается в улыбке, и искренне не могу понять, чему он радуется. Все вместе мы направляемся к его кабинету, в котором я, к слову, не была ещё ни разу. Личный секретарь следует за нами, глядя в пол. У меня мороз по коже от того, какая здесь дисциплина.

Мы входим в кабинет вдвоём, секретарь остаётся у двери, очевидно, ждать, пока я выйду.

Кабинет Алекса шикарен и, как всегда, огромен и полупрозрачен. Это его стиль, и он прослеживается во всех его творениях. Простор, много стекла, ещё больше света, минимум предметов и мебели. Он предлагает мне расположиться на белоснежном диване, сам садится напротив на такой же. Меду нами небольшой столик в стиле хай-тек. Здесь, очевидно, проходят его встречи в не столь деловой обстановке,

как в конференц-зале. В голове проносится: «Зря я тогда не выбрала кабинет, тут намного удобнее было бы на этих диванах».

Так близко, как сейчас, мы не были уже очень-очень долгое время, и это вначале немного меня дезориентирует. Его лицо светится, и я замечаю, что он изо всех сил старался не улыбаться.

– Ты всё ещё пользуешься моим именем? Должен признать, это чертовски приятно!

– Только здесь, иначе к тебе не прорваться.

– Извини за это, я виноват. Недостаточно убедительно инструктирую персонал.

– Как раз чересчур убедительно, я бы сказала.

– Хорошо, я понял. Давай к делу, меня ждут.

– Если я очень тебя отвлекаю, я могу подождать или зайти позже.

– Все самые важные дела у меня в семье.

– Я больше не являюсь твоей семьёй. Я хочу переехать из дома на берегу в какое-нибудь другое место, поскольку испытываю серьёзный дискомфорт от нашей большой шведской семьи.

Лицо Алекса в одно мгновение мрачнеет, его игриво сдерживаемую улыбку словно сметает. Его плечи опускаются, и мне даже кажется, будто под глазами у него появляются тёмные круги. А может, они там и были, только я сразу не заметила. Он сосредоточенно трёт переносицу, прикрыв глаза,

затем откидывается на спинку дивана, и холодным, совершенно ледяным тоном спрашивает:

– У тебя проблемы с Габриель?

– Нет. Абсолютно точно нет.

– Я раздражаю тебя?

– Мы почти не видимся, ты в принципе не можешь меня раздражать.

– Тогда в чём дело?

– Ты придумал весь этот фарс ради якобы близости к Лурдес, но навещаешь её раз в месяц, наверное, не чаще. Так что я не вижу необходимости в *такой* близости и предлагаю жить своими отдельными жизнями, не пересекаясь. Это ненормально.

– Я вижу с Лурдес каждый день, если тебе это неизвестно. Стараюсь не попадаться тебе на глаза, но ты всё равно недовольна.

– Допустим, меня напрягает факт твоего присутствия поблизости. Я не могу это объяснить.

Алекс слишком надолго погружается в раздумья, учитывая ждущих в конференц-зале. Затем поднимается, и, засунув руки в карманы брюк, подходит к стеклянной стене. Смотрит некоторое время на простирающийся у его ног Ситл, потом сообщает:

– Через некоторое время я уеду. Надолго. Потерпи немного. Я строил дом на берегу для тебя и хочу, чтобы ты и дети жили в нём. Если и мой отъезд тебе не поможет, решим, что

с этим делать, когда я вернусь.

Я не ожидала, что он будет таким упёртым.

– Почему не сделать это сейчас? Любой развод – стресс, и мы усугубляем его негативные последствия.

– Какие именно? – на этот раз он усаживается в своё кресло за рабочим столом и принимается что-то делать на своём компьютере, демонстрируя мне, тем самым, потерю интереса к дальнейшей нашей беседе.

– Не хочу говорить на эту тему, особенно после всего, что наблюдала сегодня в твоём фойе.

Я поднимаюсь и направляюсь к выходу, так как уже поняла, что решение принято, дальнейшая беседа не имеет смысла, и кроме боли я ничего не получу, да и, к тому же, рискую разрыдаться, что совершенно недопустимо.

– Стой, – резко окликает меня Алекс. – О чём ты?

Я поворачиваюсь и, конечно, натываюсь на его острый, почти свирепый взгляд. Мне совершенно очевидно, что он прекрасно знает, о чём я, но меня прямо рвёт на части от желания всё ему высказать.

– О твоих бывших, которые роняют днями напролёт одинокие слёзы в твои холодные фешенебельные кресла! Как предусмотрительно с твоей стороны никогда не пользоваться центральным входом!

Думаю, при этих словах у меня на лице написано презрение, и я даже не пытаюсь его скрыть. Честно говоря, заплаканная девушка отрезвила настолько, что при нашей беседе

с Алексом я ни разу не взглянула на него как на сексуальный и желанный объект. А это уже очень большой шаг к выздоровлению.

Личный секретарь сопровождает меня к выходу. Очевидно, это входит в её обязанности согласно правилам Этического Кодекса Корпорации. Жаль только, в нём не прописаны требования к моральному облику её владельца и руководителя. В этот момент я действительно презираю его.

Не успеваем мы подойти к лифту, как дверь кабинета распахивается от жёсткого удара, я даже подпрыгиваю на месте.

– Хелен, я сам провожу миссис Соболев, – его голос совершенно спокоен.

Она покорно отступает в сторону и ждёт, как вытянутая струна, пока он не поравняется с ней, и лишь затем направляется в свой собственный кабинет.

Мы спускаемся в лифте молча. Я немного в шоке от *все-го* сегодня увиденного, Алекс хмур, как грозовая туча. Когда выходим в фойе, девушка сразу его замечает и летит навстречу:

– Алекс!

– Мия! Что ты здесь делаешь?

– Я жду тебя! Уже несколько дней жду, но меня не пускают, почему ты не отвечаешь на мои звонки?!

Она бросается к нему на шею, а он обнимает её за плечи и увлекает за собой, не знаю куда, потому что я, не оглядываясь и не останавливаясь, бегу к выходу.

Вся эта сцена вовсе не представила мне Алекса в каком-то новом свете. Я знала, всегда знала об этой его «стороне», поэтому она скоро вылетела у меня из головы. Я и не догадываюсь, что наша с Алексом встреча в тот день могла иметь совсем другие последствия, и разделяли две версии будущего – счастливую и несчастную – всего лишь слова. Сказанные и не сказанные нами.

Глава 4. Снова болезнь

Phaeleh – Here Comes The Sun (feat. Soundmouse)

Аннабель уже восемь месяцев, и Габриель выглядит обворожительно. Она расцвела ещё больше, материнство ей к лицу. Она умна, даже слишком. Во всём подражает своему мужу, хвалит его, лелеет, балует, слушает его рассказы с открытым ртом и залиvisto хохочет над его шутками. Она боготворит его, и это проявляется во всём: в её словах, жестах, взглядах и поступках.

Мы с ней вроде как дружим. Она всячески проявляет расположенность и часто прибегает за помощью и советами. Мы вместе ухаживали за её дочерью, когда она заболела, я учила её, как вводить прикорм, как делать массаж ребёнку, как развивать, мы купали малышку вместе, когда Алекс бывал в отъезде. Меня не расстраивала эта вынужденная дружба, я отдавала ей свой опыт бескорыстно, потому что любила Аннабель, ведь это был *его* ребёнок. Алекс сам советовал Габриель почаще обращаться ко мне, он сказал ей, что я знаю всё о детях.

Аннабель прекрасный ребёнок – ангел с белокурыми волосами и глазами цвета неба. Она похожа на Габриель, а Лурдес – женственное продолжение Алекса. Теперь, когда моей младшей дочери исполнилось три года, это стало особенно заметно: Лурдес – маленькая страстная испанка, хотя испан-

ской крови в ней осталось уже совсем немного. Она такая же смуглая, как Алекс, у неё тёмные волосы и большие шоколадные глаза, такие же изящные брови и в меру полные выразительные губы, которые когда-нибудь станут сводить мужчин с ума. Лурдес будущая смелая красавица, это уже проявляется в её характере, а Аннабель – белокурый ангел, добрый, нежный, беззащитный. И мне хочется, да совершенно искренне хочется заботиться о ней, оберегать так, как если бы это был мой собственный ребёнок.

Алекс в отъезде, и на этот раз он, кажется, в Китае, а может быть и нет. Его перемещения гораздо более быстры, нежели моя осведомлённость о них. Я плохо себя чувствую. В этот период своей жизни я перманентно в отвратительном расположении духа, но теперь ещё и заболела. У меня грипп и обострение хронического воспаления почек. Это плохо, но я не в том состоянии душевной активности, когда человек от страха сразу бежит по врачам. Я, как обычно, в сотый уже, наверное, раз назначаю себе лечение сама по уже давно проверенной схеме, придуманной годы назад врачом из Кишинёвской больницы. Глотаю таблетки, горюю и пишу диссертацию. Вернее, безуспешно пытаюсь на протяжении месяцев сделать некоторые расчёты, которые в бодром состоянии выполнила бы, наверное, за один вечер. Мой грипп совсем разошёлся, у меня температура, высокая, и я запрещаю детям приближаться ко мне: ничего хуже не придумаешь, чем болезнь детей, когда их мать не в состоянии сосредото-

читься. Принимаю жаропонижающее и заваливаюсь спать с наслаждением вытягивая зудящие ноги.

Посреди ночи просыпаюсь от острой боли в пояснице, настолько нестерпимой, что с трудом соображаю, где я, и что мне нужно сделать, чтобы её унять. Артём по моему стону понимает, что со мной проблемы, и к тому же серьёзные, и вызывает скорую помощь. В результате я оказываюсь в больничном боксе и не простом, а реанимационном. Мне и в голову не могло прийти, что мои дела так плохи.

Меня усиленно лечат, и я, в принципе, неплохо себя чувствую, но лица у врачей какие-то подозрительно серые, и их диагнозы на английском ни о чём мне не говорят, или же я не слишком сильно стремлюсь в них вникнуть. На четвёртый день моей жизни в реанимации Медицинского центра при Университете Вашингтона, утром, часов в семь, потому что я ещё сплю, дверь в мой бокс резко и с шумом открывается, и я вижу Алекса. Он в бешенстве.

– Почему ты мне не позвонила?

– Да, Алекс, привет. Я тоже рада тебя видеть, – говорю ему вяло.

– Ещё и смеешь дерзить? Какого чёрта я ничего не знаю?

– А должен?

– Не понял...

– Я говорю, что ты не имеешь больше ко мне никакого отношения, так с чего, скажи на милость, я стала бы перед тобой отчитываться?

Он так зол, что мне кажется, ещё немного, и он ударит меня.

– С того, что ты мать моего ребёнка! И это, к несчастью, я изменить не могу!

Он выходит, хлопнув дверью так, что она чуть не вылетела вместе каркасом, на котором висит.

Примерно через час Алекс возвращается с доктором, которого я раньше не видела. Врач долго изучает папку с моими анализами, осматривает меня, задаёт вопросы на русском, он, оказывается, русский, и мне определённо нравится его грамотный, профессиональный подход. Нравится до того, как Алекс задаёт ему вопрос:

– Каковы прогнозы?

– Прогноз при четвёртой стадии гидронефроза неутешительный. У пациентки все шансы отказа обеих почек. Я думаю, самое время начинать подготовку к трансплантации хотя бы одной.

Я в ужасе, меня будто парализовало. Алекс закрывает лицо руками и выходит, а я рыдаю. Как же я могла допустить такое?

Ещё через час меня пересаживают в кресло и поднимают на лифте на крышу больницы. Вижу вертолёт Алекса и не понимаю, что происходит. Спрашиваю, мне отвечают:

– Вас транспортируют в Рочестер в Клинику Мэйо.

– Зачем?

– Извините, я не знаю, просто делаю свою работу. Но вы

не волнуйтесь, это лучшая клиника в США. Через несколько часов будете на месте.

Youth – Daughter

Рочестер – красивый город на берегу озера Онтарио. С другой его стороны простирается уже другая страна – Канада и её провинция с одноимённым названием. Рочестер выглядит восхитительно из окна вертолёта, но мне не до красот: я злюсь на себя за свою глупость и безалаберность, и мне страшно... страшно превратиться в рухлядь в тридцать четыре года! Я видела много людей, переживших это, они выглядят и живут, словно безжизненные мумии, и в голове их только одно – заботы и тревоги о не своей, но такой нужной почке: как долго ещё она проживёт в тебе? В этот момент мои переживания по поводу расставания с Алексом кажутся такими ничтожными и бессмысленными.

Но всё оказалось не так уж и плохо. Меня осмотрели, снова провели исследования и сразу же стали лечить новыми методами. Клиника Мэйо специализируется на трудных медицинских случаях, врачи направляют сюда больных со сложными заболеваниями со всех штатов, а также из многих стран мира. Эта клиника славится своими достижениями в диагностике, инновационном и эффективном лечении.

У меня приятная палата, похожая больше на жилую комнату, чем на больничный бокс: в ней есть большой телевизор, софа для посетителей, которую также можно использовать и как кровать, потому что присутствие родственников

здесь разрешается и приветствуется даже ночью. Американская медицина считает, что близкие люди помогают пациентам преодолевать стресс, а также сводят к минимуму число медицинских ошибок. Но в моём случае делать это некому – родители далеко, и я им не говорю о том, что болею, нет смысла тревожить их стареющие сердца. Артём не может оставить детей и их школу, так что я живу в этой приятной комнате почти месяц одна. Живу и работаю, потому что время между процедурами, обследованиями и приёмом лекарств нужно чем-то заполнять.

Меня лечит доктор по имени Карлос Алаилло, аргентинец по происхождению, и он так щедро накачивает меня ультрасовременными лекарственными препаратами и процедурами, что результат не заставляет себя ждать: уже через неделю мой диагноз гораздо более оптимистичен, ещё через одну прогноз утешителен, и ещё через одну я уже уверена, что уйду из клиники своими ногами со своими же собственными почками, которые стану теперь беречь и лелеять всю оставшуюся жизнь.

Вообще, за мной так трогательно ухаживали в этой клинике, медперсонал оказался таким душевным, а само это место умиротворяющим, что мне совсем не хотелось домой. Да, больница оказалась лучше моего собственного дома, и, если бы не дети, я, может быть, и не вернулась бы туда никогда.

Когда я вышла из огромных стеклянных дверей больничного холла и стала искать глазами вызванное заранее такси,

мой взор тут же наткнулся на чёрный Порше. Алекс вышел из машины, сказал «Привет», забрал мою сумку, закинул в багажник и открыл мне переднюю дверь. Я села молча.

После того, как мы тронулись, он сказал:

– Отвезу в аэропорт, у меня здесь ещё дела. И, пожалуйста, впредь относись к своему здоровью серьёзнее.

Всё. Больше мы не сказали друг другу ни слова. Я знала: он приехал убедиться лично, что со мной всё в порядке, хотя, скорее всего, каждое утро на его прозрачном офисном столе ждал своей очереди отчёт о моих успехах в лечении. Алекс даже был в курсе, в какое время я выйду из клиники, и эта его забота обо мне, участие в моей судьбе в трудную минуту, конечно, очень грели. Но я не забыла, что он мне сказал тогда, в больнице. Будучи в бешенстве, он признался, что жалеет об отсутствии возможности изменить факт моего участия в рождении его ребёнка. Я не забыла этого, и никогда не забуду.

Глава 5. Его День Рождения

33 Tours – California Dreamin

Проходит ещё полгода. Сегодня у Алекса День Рождения. Я счастлива уже с утра, ведь вечером обязательно увижу его, подарю свой подарок, и мы, быть может, даже поговорим.

Мой подарок – торт. Я, вообще, знаю в них толк, пеку по маминым рецептам совершенно невероятные творения. Когда мы жили с Алексом вместе, он очень любил, когда я готовила ему, особенно торты.

Сегодня у меня шоколадный торт с миндалём и заварным кремом, таким густым, который делается из яиц и молока – это любимое лакомство моего бывшего мужа, и в его День Рождения я всегда пекла именно эту вариацию.

Мы приходим на вечеринку последними: все гости уже давно на месте, Габриель бегает с блюдами и тарелками в хлопотах, чтобы всё было безупречно и только так, как любит Алекс. По этой же причине нет ни шаров, ни цветов, ни дурацких транспарантов, только немного ресторанной еды и алкоголя, музыка... много красивой и спокойной музыки.

Я несу торт с зажжёнными на нём свечами, Лурдес и Соня по обе стороны от меня в лавандовых платьях (как и я) торжественно сжимают в руках нарисованные открытки собственного изготовления. Артём замешкался дома, так что мне придётся подойти к Алексу без него. Не отрывая глаз

от торта, который освещает моё лицо, как алтарь в церкви, я держу речь:

– Дорогой Алекс, мы поздравляем тебя с днём твоего рождения и желаем тебе счастья и крепкого здоровья. Так как у тебя есть всё, что только можно пожелать, мы не придумали ничего лучше, как сделать тебе подарки своими руками. Прими от нас этот торт и... девчонки, вручаем открытки!

Только в этот момент решаюсь поднять на него глаза, поскольку надеюсь, что он уже отвлётся на детей, и мы не встретимся взглядами, ведь я боюсь выдать себя. Но напрасно надеялась: Алекс смотрит в упор и не отрываясь. Он не улыбается, даже слегка. Впервые за долгие месяцы мы находимся так близко и впервые смотрим друг на друга одновременно. Это тяжело, эмоций слишком много, и они неуправляемы.

Мы словно выпали из реальности и зависли в стороннем мире на неестественно долгие мгновения. Я изо всех сил стараюсь выглядеть непринуждённо, а Алекс, будто изучает меня, но по-доброму. Он задерживается в такой созерцании чуть дольше, чем позволено посторонним мужчинам, и выпаливает, наконец:

– Подарки сумасшедшие – лучшие из всего, что можно было бы придумать. Нет людей, у которых всё есть, чего-то всегда не хватает.

С этими словами он опускается на корточки и целует девочек, затем поднимается, и я получаю поцелуй в щёку. И

снова на долю секунды чуть более долгий, чем нужно. Запах, его запах, затмевает мой разум, и мне кажется, что у меня отнимаются ноги.

В это же мгновение кто-то тянет торт из моих рук – это Габриель, щебечущая хвалебные оды моему творению и обещающая всем выделить по кусочку. Она вытряхивает меня из транса и уводит Алекса задувать свечи и резать торт, а я стою и не понимаю, почему он не задул их, пока торт был в моих руках? Откуда у меня это чувство, будто мой корабль с сокровищами вероломно присвоили себе пираты?

Вскоре появляется Артём с бокалами в руках, и мы усаживаемся на мягкий диван. Алекс расположился со своей Габриель прилично поодаль, так далеко, что мы не смогли бы говорить, даже если бы захотели. Я чувствую себя чужой и ненужной, хотя каждого из присутствующих знаю лично и по имени. Лишь один раз мне удаётся поймать единственный взгляд, брошенный Алексом искоса. Наверное, случайно.

Погода в тот вечер с самого начала была подозрительной, но к середине банкета налетел порывистый ветер, запахло дождём. Мы испугались, что дождь застанет нас на террасе, и решили спрятаться в доме.

Внезапно Артём предлагает:

– Давайте перенесём всё в нашу гостиную – она больше и удобнее.

Все как по команде обращают взгляды на меня, а я не своим голосом изрекаю первую, не считая поздравительной,

фразу за весь вечер:

– Да, конечно, у нас значительно удобнее будет.

И мы бросаемся переносить тарелки по мраморной дорожке, подсвеченной световыми шарами, будто по взлётной полосе, в наш дом. Я искренне не понимаю, зачем Артём пригласил их, поскольку чувствую себя настолько некомфортно, что уже всей душой стремлюсь покинуть это мероприятие как можно раньше и уединиться дома со своими муками безответной любви. Но, как оказалось, это спонтанно сделанное моим действующим мужем предложение, принесёт моей душе нечто волнительное, то, что наполнит меня жизнью на некоторое время.

Мы располагаемся в гостиной, накрываем на стол, беседы возобновляются, Алекс и Артём колдуют над музыкальным фоном. За окном начинается настоящий ливень, он барабанит по стёклам, почти заглушая негромкую музыку в нашем убежище. Гости тут же бросаются шутить по поводу дождя, а Алекс резко поворачивается в мою сторону с вопросом:

– Лера, вы закрыли вентиляционный люк на чердаке?

О, чёрт! Сколько раз я забывала это сделать, и Алекс злился на меня за рассеянность. Минимум четыре раза ливни устраивали нам потоп через это смотровое окно в мансарде.

– Кажется, закрыли, но пойду, проверю, – я точно знаю, что опять его не закрыла.

– Ты сможешь сама? Ты же говорила, там механизмы слишком тугие? – он мне не верит, и меня заливают краской

от стыда.

Опять я сглупила, рассеянная дурочка, надо же так опозориться.

– Да, смогу, конечно, – спешу его заверить.

Mikki Ekko – Comatose

Лечу наверх со всех ног, едва сдерживая реки из своих глаз, злая на себя за эту оплошность и за то, что Алекс снова так ловко поймал меня на ней. Я ненавижу себя, когда ошибаюсь, пытаюсь изо всех сил бороться с рассеянностью и забывчивостью, но в последнее время что-то совсем плохо у меня получается. И вот я на четвёртом уровне, лезу по деревянной лестнице в мансарду и точно! Конечно, окно не закрыто, и под ним уже образовалась целая лужа. Я протягиваю руку вверх, хватаюсь за рукоятку и изо всех сил дёргаю её, чтобы захлопнуть ставню, но расстроенное состояние моего духа сделало меня совершенно бессильной: я дёргаю и дёргаю, но упрямая створка никак не поддаётся.

Эта неудача вот-вот добьёт мои нервы, и я расплачусь. Дождь хлещет по лицу, я мокрая и уже на грани, вдруг чувствую тепло и чьё-то присутствие. Уверенная мужская ладонь ложится поверх моей и совершает одно лишь движение, ставня громко захлопывается, в мансарде мгновенно темнеет, ведь стёкла покрыты слоем чего-то, защищающего наш дом от потерь тепла. Поток воды остановлен, он убирает свою руку, я тоже опускаю свою и разворачиваюсь. Тут слишком темно, чтобы видеть, кто это, но я знаю, конечно,

знаю, чувствую его тепло, запах, энергию, которая питала меня когда-то. Он стоит напротив меня и не двигается, так близко, так восхитительно близко! Каждая моя клетка реагирует на его присутствие, всё внутри меня сжимается в сладкой истоме: о, Господи, как же хорошо, когда он рядом! Как восхитительно осознавать его так близко! Но почему он не уходит, ведь дело сделано, почему же? И я не могу поверить сама себе, мне кажется, или и впрямь я ощущаю его дыхание на своих губах? Чёрт, не видно же ничего! Он касается меня своими губами или нет? Или мне только кажется? Или мне так безумно этого хочется, что фантазии стали настолько реальными, неотличимыми от происходящего на самом деле?

Внезапно загорается свет внизу. Я мельком успеваю увидеть его висок так близко от себя, что сразу же осознаю прядь его волос, щекочущую мою щёку – мгновение он смотрит в направлении люка.

– Ну что там у вас? Что так долго, Алекс? – кричит Габриель.

– Всё нормально, Габи, не тревожься, – отвечает он, но уже далеко от меня.

Я не понимаю, что это было? Мне всё это приснилось? Причудилось? Спускаюсь медленно, потому что у меня отнимаются ноги, да всё моё тело, как желе. Замечая это, Алекс подаёт мне руку и помогает спуститься.

Господи, думаю, он всё ещё здесь!

Но они с Габриель сразу уходят, и Алекс ни разу не обо-

рачивается.

Оставшись, наконец, одна, я сползаю по стене на пол и сижу в полной прострации, но с чувством, будто мне в рот налили живительного бальзама, и он уже начал действовать: боль, та что жрала меня изнутри, вдруг утихла, мне стало легко и непреодолимо захотелось спать.

Разбудил меня Артём – отнёс в спальню, поцеловал в лоб и сказал, что я никогда не выглядела так плохо, как сейчас. Я подумала: «Неужели так заметно? Я совершенно не умею скрывать свои чувства. Это плохо, очень плохо».

В тот же вечер, вернее, это уже была ночь, Алекс уехал на два месяца в Китай начинать новый очень большой и серьёзный проект возведения жилых эко-комплексов – так сказала мне Габриель спустя две недели, когда я набралась храбрости спросить у неё, куда он подевался.

– Как же ты будешь справляться сама? – допытываюсь.

– Алекс велел во всём полагаться на тебя, он обещал, что ты во всём поможешь! Знаешь, я тебе завидую, он так тебя уважает! – она мило улыбается, но я почему-то ей не доверяю.

– Но он же будет навещать вас с малышкой, я надеюсь?

– Сказал, что в эти два месяца не сможет приехать ни разу, так как должен быть постоянно на месте – ему нужно всё там наладить. На самом деле, я просила его взять нас с собой, но ты же знаешь какая сейчас экология в Пекине.

– Да, я видела по телевизору: люди в масках передвигают-

ся по городу. Это не лучшее место для ребёнка. Ну хорошо, если что-нибудь понадобится – звони, приходи.

Я улыбаюсь ей в ответ такой же фальшивой улыбкой, как и она мне. Интересно, догадывается она или нет? Судя по тому, как скоро она прибежала за Алексом, дав нам лишь несколько мгновений побыть наедине, не то, что догадывается, но, наверное, даже и знает. Я открыла Габриель для себя в новых гранях: она в меру умная, хитрая и находчивая. Ничто не способно столкнуть её с пути, когда она идёт к своей цели. В глубине души я даже восхищаюсь ею, ведь сама-то сдала свои позиции не то что быстро, а с космической скоростью.

Lotte Kestner – I Want You

Через месяц Габриель приносит пирог и новость, что она ждёт второго ребёнка. Уже три месяца как. Можно ли передать то, что я при этом испытала? Нет, нельзя. Бальзам, случайно или специально пролитый на мою рану, прекращает своё действие, и она начинает печь с новой силой, ещё больнее, ещё острее, потому что пользование лекарством не прошло даром – оно дало надежду, и теперь эта бестолковая надежда мучает ещё больше, ведь пришло понимание её обманчивости. Он спит с ней и оставляет в ней своё семя, это интимно, это любовь, он хочет быть с ней. Что я для него в таком случае? Ничто? Воспоминание? Что это было там, на чердаке? Он хотел поцеловать меня или нет? Или мне показалось? Тогда почему его лицо было так близко? Какого чёр-

та? Что он делает со мной? Дразнит? Издевается? Мстит?

Опустошение и боль, нестерпимая, терзающая боль. Боже, как я хочу его, как же я хочу его целиком, хочу заниматься с ним любовью, хочу спать с ним в одной постели, пить кофе из одной чашки по утрам, хочу принимать душ с ним вместе, печь ему торты, лечить его, когда он болен, хочу ощущать его в себе, хочу чувствовать его тепло, хочу видеть его рядом и прижиматься к нему, хочу вдыхать его запах, хочу любить его...

И тут в моём мозгу появляется страшное: «Я не могу жить дальше, у меня больше нет сил, я не хочу... жить». О, ужас! Сразу после этой мысли я теряю к себе уважение. Никогда! Никогда в жизни я не могла представить себе, что окажусь настолько слабой, немощной.

И я гоню её прочь, эту страшную мысль, делаю над собой усилие, поднимаюсь и двигаюсь: шаг, потом ещё один, затем ещё, ещё, и ещё. Я иду жить дальше так, как смогу, просто жить, просто дышать, просто смотреть на море, слушать дождь, ощущать ветер. Я стараюсь вспомнить, срочно вспомнить всё, что радовало меня в жизни помимо... этого человека. Завожу машину и отправляюсь в русский магазин, покупаю чёрный шоколад, кока-колу, пирожные эклеры – то, чего не ела ни разу с тех пор, как вышла замуж за Алекса.

Потом еду в кино смотреть комедию, затем в клуб слушать рок музыку. Это группа Zucchero, импозантные старички – итальянцы исполняют завораживающе красивую песню

Il Suono Della Domenica. Не знаю, о чём она, но её звуки растекаются по моим венам живительным миром. И мне становится легче: «Как прекрасна всё-таки жизнь, как много красивого и хорошего мы не замечаем, игнорируем, концентрируясь не на том, на чём нужно» – говорю я себе. С радостью и облегчением я покидаю клуб и направляюсь домой. Моя боль притупилась, теперь с ней можно жить, и я буду. Буду всегда и несмотря ни на что. Не в моём характере лишать себя жизни, не в моём.

Алекс не приехал через два месяца, он смог только через четыре. Навестил жену и дочь, они гуляли по побережью, обнимаясь, а я могла их видеть лишь издалека со своей верхней террасы. Я сидела спиной к стене и громко рыдала, в голос. Даже орала, если честно – дома никого кроме меня не было, а святое семейство не могло слышать – слишком далеко они ушли. Алекс не навестил Лурдес, и это была отрезвляющая пилюля.

Fleurie – Sirens (Audio)

После этого случая я окончательно взялась за свой размякший мозг: моя цель выбить из себя всю эту хандру и сосредоточиться на своих детях и своей жизни. Мне захотелось коренных перемен, и я уволилась из Университета, устроилась в банк в Отдел кредитных историй. Им требовался специалист с хорошим знанием математики, чтобы помочь отделу ИТ выстроить верные алгоритмы работы с кредитным прошлым клиентов текущих и будущих, то есть максималь-

но автоматизировать процесс принятия решений по выдаче кредита. Я снова начала работать над своей диссертацией, и дело пошло в гору, это уже было достижение! Два раза в неделю, помимо йоги, я танцевала в группе современного танца, а для этого также пришлось подкачаться в тренажёрке, поскольку современные танцы требуют не слабой физической подготовки. Наконец, мне удалось вынырнуть из своей депрессии, надолго ли?

Приближается мой тридцать пятый день рождения, и я решаю перевернуть страницу в этот день. А что делают женщины, когда хотят в корне поменять свою жизнь, ну или своё отношение к ней? Верно, худеют с понедельника. Но я и так худая и сильно, даже слишком сильно уже, мне бы поправиться. Тогда что? Ну конечно, стрижка! С двадцати семи лет я блондинка и ношу волосы гораздо ниже плеч. Причёска Шакиры – лучший вариант для меня, проверено горьким опытом. Но в шестнадцать у меня была озорная стрижка, в то время это было модно – очень коротко выстриженный затылок, а спереди косая чёлка до подбородка, которую всё время нужно было откидывать на бок. И вот на пороге тридцати пяти лет я стригусь точно так же и возвращаю свой натуральный цвет – пепельно-русый. Для меня это символично: я хочу начать всё заново, так, будто мне снова шестнадцать, и все неправильные выборы, ошибки, сделанные мной в жизни, можно исправить, переписать всё заново с черновика на белое.

Смотрю на себя в зеркало и вижу дерзкую, стильную, красивую молодую женщину. Я довольна собой: ну наконец-то смогла взять себя в руки! Какая же я молодец, вот так бы всегда!

На заслуженную вечеринку – большую с шарами и тортом – я позвала много друзей. Всякое начинание нужно отпраздновать по русской традиции, а новую жизнь и подавно! Я наполняю свои дни радостью, как только могу, стараюсь получать от них удовольствие, а день рождения – повод побыть в центре внимания какое-то время и забыть, отвлечься от мыслей. Мне сейчас это особенно нужно, как инсулин диабетiku.

Набравшись храбрости, я уточнила у Габриель, приедет ли Алекс, и получила ответ, что конечно же нет, ведь он так занят. И я расслабилась. Подумала, что так даже лучше: не буду страдать по нему весь вечер.

В день своего тридцати пятилетия я надеваю чёрное платье с глубоким, даже вызывающим декольте. Узкая юбка до колен так стягивает мои ноги так, что я кажусь себе моделью. Как же хорошо я выгляжу! Как же я довольна собой! Как же буду кокетничать с мужчинами сегодня и кружить им головы! Почему же я раньше не додумалась до этого, такого простого, а главное, действенного метода?

Гости приезжают один за другим; это мои университетские друзья математики и один физик-ядерщик, несколько новых сотрудников банка, в котором я сейчас работаю, и с

которыми мне нужно наладить более близкие отношения; и это друзья Алекса – они до сих пор без приглашения всегда закатываются в мой день рождения, потому что Алекс когда-то устраивал грандиозные вечеринки с ди-джеями, и я всегда пела. Да они любили моё пение, особенно Марк. Но больше, к сожалению, я не пою.

Все поздравляют меня и вручают подарки, как же я люблю подарки! А Марк аккуратно целует в щёку, и мы хохочем вместе. Как же мне приятно его внимание, как чудесно находиться в таком настроении, как у меня сейчас! Жизнь бывает так прекрасна местами!

Вечеринка в разгаре, терраса гремит музыкой и полнится гулом бесед нашей не такой большой, но такой приятной компании. Я разрезаю торты, вокруг меня горит множество свечей – они повсюду, у бассейна, в бассейне, на столе с угощениями, на перилах террасы – сама придумала этот декор, и гости в восторге от моих идей и от меня самой, я уже сбилась с подсчёта комплиментов. Знаю сама, что обновление принесло мне пользу не только во внешнем мире, но и во внутреннем, главное, во внутреннем.

Loreen – I'm in it

Внезапно слышу оживление нашей компании и возгласы нескрываемой радости. Поворачиваю голову в ту же сторону, куда смотрят все и вижу: по мраморной дорожке с шаровой подсветкой, той, которая соединяет дом Алекса с моим, идёт мужчина в чёрной рубашке и брюках с огромным буке-

том белых роз. Его волосы отрасли и откинuty назад, они ещё не успели полностью высохнуть после душа, ворот рубашки растёгнут глубже, чем обычно, чёрные узкие брюки обтягивают его бёдра, которые только он умеет раскачивать при ходьбе так уверенно и грациозно. В его движениях его сила, успешность во всём, к чему прикасается – нет в мире ничего такого, что не подчинилось, не покорилося бы ему.

Это Алекс! И он приехал! Он всё-таки приехал поздравить меня в мой день рождения! Господи, как же я ждала его на самом деле!

Он проходит мимо друзей и знакомых, со всеми здоровается, всем улыбается, Марк с силой хлопает его по плечу, но Алекс не останавливается, продолжает быстро двигаться в мою сторону.

Я не могу поверить, что это он, предательская радость начинает наполнять меня, и её уровень слишком быстро ползёт снизу-вверх, вот он достиг уже макушки и сейчас выплеснется из меня чем-то неадекватным... Стоп! Я держу себя в руках, но уже чувствую, как горят мои щёки, как блестят глаза, как напряглась грудь, как упрямая улыбка растягивает мои губы.

Алекс уже издали смотрит на меня восхищённым взглядом и с удивлением разглядывает мою стрижку, ведь никогда же не видел меня такой. Наконец, он обнимает меня и целует в щёку, обдаёт знакомым ароматом туалетной воды и лучезарной улыбкой:

– Поздравляю тебя! Будь счастлива! Это тебе! – протягивает футляр, украшенный логотипом ювелирного бренда.

Я открываю его и вижу элегантную подвеску в виде затейливого банта на тонкой цепочке, всю усыпанную сверкающими, играющими камнями. Вещь действительно умопомрачительно красивая, настолько восхитительная, что у меня аж захлёстывает неуёмная детская радость от обладания ею. Я понимаю, что это нечто немислимо дорогое, ведь камни, их много больших и маленьких, явно не стёклышки.

– Тебе нравится? – спрашивает Алекс, заглядывая мне в глаза.

– Конечно, нравится, – отвечаю шёпотом, потому что голос пропал. – Ты лучше всех знаешь, как мне угодить.

Он доволен, улыбается.

– Давай наденем? – предлагает.

– Давай! Поможешь?

– Конечно.

Алекс берёт ожерелье в руки, и нежно, невыносимо ласково заводит их за мою голову. Я наклоняю её, стараясь не касаться лбом его плеча, чтобы ему было удобнее застёгивать, но, в конце концов, упираюсь в него щекой. С жадностью втягиваю носом запах его кожи, смешанный с туалетной водой и гелем для душа. В эту секунду я ненавижу отдушки, кому, вообще, они нужны? Время растягивается, как плавленное стекло, неужели он так долго не может застегнуть замок... или нарочно не спешит? Его пальцы снова и снова

касаются моей кожи, и эти прикосновения совсем не похожи на те, которые требуются трудно застёгиваемым застёжкам. А я прикрываю глаза и мечтаю простоять вот так всю оставшуюся жизнь с ним, и пусть весь остальной мир остановится, замрёт. Хочу забыться в этом мгновении, хотя бы задержать его...

Но, сладкая пытка окончена, ожерелье на мне. Алекс освобождает меня и смотрит на мои волосы восхищённо, даже завороченно, он не видит своего подарка, похоже, моя новая стрижка явно пришлась ему по вкусу.

– Тебе идёт! – сообщает он, не отрывая глаз.

– Что именно, твой подарок или моя новая причёска?

– И то и другое! – улыбается до ушей. – Ты сегодня... очень-очень красивая. Когда я видел тебя в последний раз, ты была очень худой и уставшей. А сегодня ты просто светишься!

– Ну, это, наверное, от того, что сегодня у меня праздник!

– Да, конечно, – мягко соглашается он, не сводя с меня глаз.

Как много слов! Так много мы не говорили друг другу за все последние два года.

А Габриель всё нет. Чем это она там занята? Как могла пропустить ТАКОЕ?

– Угостишь меня своим тортом?

– Конечно. У меня их пять штук сегодня. Тебе какой?

– Шоколадный, – Алекс смотрит на меня, и так, как се-

годня, его глаза горели только в далёком прошлом, в юности, на испанском пляже Берега Смелых. Мне даже делается немного не по себе. То ничего совсем, то так много и сразу. Неужели стрижка?

Отрезаю ему большой кусок торта, кладу рядом шарик мороженого, цветок, он внимательно следит за каждым моим движением. Я отдаю тарелку, а он берёт меня под локоть и ведёт к самому краю террасы у обрыва, здесь никого нет и музыка слышна приглушённо – идеальное место для разговоров. Мы облакачиваемся на перила, и Алекс пробует торт, на лице его наслаждение, а я разглядываю его, пользуясь моментом, ведь не знаю же, когда ещё мне выпадет счастье видеть его так близко.

Loreen – Heal

– Ну, рассказывай, – предлагает, – как у тебя дела? Чем занимаешься? Как диссертация? – и отправляет в рот ещё кусок торта.

– Всё хорошо. Работаю на новой должности в банке, в кредитном отделе. Диссертация тоже двигается, но пока медленно.

– Ты бросила заниматься любимым делом?

– Там платят больше, Алекс. Сколько мы уже можем жить в твоём доме. Мне и так стыдно.

Он перестаёт жевать и бледнеет, дышит тяжело, настроение у него падает, вижу, что сильно расстроила его своими словами.

– Ты ведь прекрасно знаешь, что этот дом я строил только для тебя. Он твой, так что не выдумывай.

– Строил для меня, но жил в нём сам, когда я приехала, так что не лукавь, – улыбаюсь ему.

Зачем мне дом, когда моё счастье вот оно, стоит рядом, ни о чём не подозревая, злится, жуёт шоколадный торт.

– Почему ты ушла от меня?

Меня словно ножом полоснули – я не ожидала такого прямого вопроса, тем более от Алекса, любителя полутонов и оттенков.

– Устала терзаться и ждать, когда же ты уйдёшь. Гадать, с кем ты, какая она, чем лучше меня, и насколько тебя хватит. Думать о том, как ты это сделаешь, что скажешь, насколько больно мне будет. Ты пропадал по ночам, тебя не было месяцами, где ты был, где ты жил – неизвестно. Мы не пересекались в спальне, а зная тебя... в общем, это уже была не жизнь, а фарс. Но я не думала, что будет так... – тут я вовремя осекаюсь, чуть не сдала себя! С потрохами.

– Говори до конца. О чём ты не подумала? – он смотрит на меня в упор так пронзительно и беспристрастно, как если бы я была его проштрафившимся подчинённым, а не бывшей женой.

– Ну же?

Но я молчу.

– Тогда, я скажу за тебя. Ты не ожидала, что будет так паршиво? Что будет настолько больно, что ты едва сможешь

это выдержать?

Он будто хочет меня распять взглядом. Мне нечего ему сказать. Я в курсе, на что он намекает – на те пять лет после нашего расставания в Кишинёве. Значит всё-таки это месть, выношу заключение.

– Я не изменял тебе. У меня никого не было. Ни разу, ни в мыслях, ни в постели, – он разворачивается лицом к морю, оставив меня стоять с открытым ртом. Прячет лицо, чтобы я не видела, весь тот ужас, который сейчас на нём творится, но я всё равно вижу.

– Где же ты был тогда?

Алекс отвечает не сразу – видно, что собирается с мыслями. Их слишком много, и они все окрашены слишком яркими красками, чтобы легко их выстроить в простой и лишённый эмоций рассказ.

– Помнишь мой проект энергосберегающих стеклянных панелей?

– Да.

– Я решил не продавать эту идею, а заработать на ней. И, в конечном итоге, оказался прав – этот бизнес даёт сейчас очень хорошие деньги. Но тогда мне нужен был завод, новый. Решено было отстроить его с нуля. Всё шло по плану, пока один из корпусов не рухнул во время строительства. Погибло пять человек и ещё двое были покалечены. Началось расследование, потом судебное разбирательство, мне грозила тюрьма, потому что корпуса строились по проектам из-

под моего пера.

Он делает паузу, потом признаётся:

– Я дурел от напряжения, Лера. Пятеро молодых ребят погибли, у троих из них остались семьи с маленькими детьми, одному раздробило ноги. Само собой, медицинские расходы, компенсации, расходы по содержанию семей на себя взяла компания, но жизни этих людей не вернуть. Ошибку не исправить. Ко всему добавь судебный прессинг, и, что ещё хуже, совесть. В то время мне было не до постели, поверь.

Я чувствую, буквально ощущаю, как земля уходит у меня из-под ног. И хватаюсь за перила, чтобы удержаться.

– Господи... Алекс... почему ты не рассказал мне? Почему?!

– Чтобы защитить тебя. Ты же не рассказываешь детям о своих проблемах, чтобы не тревожить их, не ранить, потому что проблемы всегда решаются. Я этого ждал, так и случилось: на последнем заседании суда огласили результаты расследования, и выяснилось, что в опорах не было даже шестидесяти процентов заложенного проектом бетона. Оказалось, подрядчик просто на просто подворовывал материалы и делал на этом неплохие деньги. Обвинения были сняты с меня и других людей, с которыми я работал. Об этом я узнал как раз в тот день, когда ты назначила встречу в ресторане, но уже *после* нашего разговора. Честно говоря, в зале суда я думал уже не о процессе, а о нашей дикой беседе, из которой мне совершенно ничего не было ясно, кроме того, что по-

следствия будут страшные. Я вышел из суда ещё до того, всё решилось и поехал домой, чтобы поговорить с тобой, пока ты не наделала глупостей. Но было поздно: там не было уже ни тебя, ни детей. Я... да, Лер, у меня сорвало крышу. То, что ты сделала, меня добило. Я просто... не ожидал такой поспешности с твоей стороны. Чего мне стоило всё это выстроить, а ты так легко, одним махом всё уничтожила. И ты ушла к нему. Сразу к нему. Не оставила мне даже шанса всё исправить, – его глаза блестят всего несколько мгновений, но он быстро выходит из состояния сентиментальной уязвимости, выпрямляется.

Я прячу лицо руками, а хочется забиться в них целиком. Слезы душат, выворачивают наизнанку. Мир вращается вокруг меня с такой скоростью, что я теряю способность его осознавать.

– Господи... Алекс, Алекс, Алекс... – говорю шёпотом, – что же ты наделал... Если бы ты только сказал мне... если бы мы только поговорили, всё могло бы быть по-другому! Нет, всё было бы по-другому! – убираю от лица руки, чтобы заглянуть ему в глаза, и чувствую, как со щёк на шею стекают мои обильные жаркие сожаления.

Боже мой, я не могу поверить... Вижу его глаза и... и в них то, что нельзя скрыть, невозможно спрятать, вижу всё то же, что видела в испанской церкви, в его белоснежной постели в моей любимой космической квартире, в Парижском аэропорту, в солнечном июльском парке, в тысячах наших

занятий любовью.

Как? Как я могла так ошибиться? Почему не поняла этого раньше? Почему он так старательно, так усердно прятался от меня?

Алекс обнимает меня, прижимая к сердцу. От негодования, которое так кипело в нём мгновения назад, не осталось и следа. Он тихо, вкрадчиво, но с необъятным своим с чувством шепчет мне на ухо самый большой секрет:

– Мы всегда можем всё изменить... так, как захотим сами.

– Нет, не можем! Не можем! Мы в ответе перед ними!

– Лера! Это всё не то, понимаешь? НЕ ТО!

Он обнимает меня ещё крепче и зарывается лицом в мои волосы, я ощущаю его дыхание и то, как он втягивает носом их запах, чувствую, как его губы прижимаются к моей шее, язык касается моей кожи.

О, Господи! Да что же это такое?! Почему мне опять так мучительно, так невыносимо больно?

Спустя время, даже не знаю какое, потому что оба мы словно провалились в другое измерение, где времени, как физического явления, перед нами вырастает беременная Габриель и уводит Алекса. Спасибо, хоть поговорить дала. С этого момента наши с ней отношения натянуты как струны на контрабасе.

Глава 6. Точка возврата

Loreen – Paper Light Revisited

Проходит месяц, снова вечеринка, на этот раз у Алекса и Габриель. Мы с Артёмом тоже в списке приглашённых. Да собственно, мы всегда в нём под номером один. Габриель на девятом месяце беременности, вот-вот должна родить. Собрались все друзья Алекса, знакомые, даже партнёры по работе со своими спутницами. Габриель зажигает так, будто она не на сносках, а на дискотеке. Алекс постоянно одёргивает её, что-то вечно шепчет ей на ухо. Он не доволен, я вижу, что переживает.

Не могу оторвать от него глаз. После нашего разговора всё так изменилось, всё по-другому теперь. Моя стратегия обновления жизни рухнула, как карточный домик, и я снова вернулась к исходной точке, где и пребываю в болезненной прострации. Теперь мне как бы легче, ведь я знаю, что он любит меня, всё ещё любит, и, похоже, даже не меньше, чем прежде, но... Но изменить ничего нельзя: у него семья, второй ребёнок на подходе, у меня семья, и Артём простил и принял меня, поддержал в трудную минуту, не бросил, не издевался жестоко, как мог бы. Я знаю, у него большое сердце, гораздо больше, чем у меня. Кем надо быть, чтобы разбить его во второй раз? Понимание безысходности убивает, а решения нет, просто не существует.

Но он любит меня, мой Алекс, всё ещё любит, теперь я знаю об этом. Он так тихо прошептал мне тогда, что мы всё можем изменить, если только захотим. Хотим ведь? Мы не виделись и не говорили ни разу после нашей беседы, может его настроение уже изменилось? Он так трогательно переживает за Габриель, таскается за ней, поддерживает, забирает из её рук коктейли... Они семья, такая же, как многие.

Моё одиночество бесконечно. Я смотрю на море, мне не хочется ни танцевать, ни обсуждать последние новости, ни выслушивать слухи и сплетни.

Из протрации выводит Марк – уверенно тянет своими крепкими руками танцевать, и я соглашаюсь, почему бы и нет? Мы кружимся, у Марка успокаивающая энергетика, сильное тело, большие руки. Мне даже приятно ощущать под пальцами его мышцы, да и вообще, он хороший человек. Я смеюсь, он кружит меня с таким умением, которого ни у кого в этой компании больше нет. Кроме Алекса.

Музыка сменяется на спокойную, и его руки тут же уверенно опускаются мне на талию, он прижимает меня ближе к себе. Не могу сказать, что мне это неприятно, но как-то некомфортно. Я отстраняюсь немного, но Марк настойчив, и я уступаю – в конце концов, не первый год мы знаем друг друга. По правде говоря, никаких явных поползновений с его стороны не было, но я всегда знала, что он смотрит на меня с интересом. Женщина чувствует, когда она нравится мужчине.

В этот вечер Марк особенно смел, возможно, решился, наконец, сделать ещё шаг в направлении сближения дружбы с бывшей женой лучшего друга. Или он рассчитывает на нечто большее? Мы танцуем, Марк прижимается ещё сильнее, я смотрю ему в глаза с вопросом, как далеко он зайдёт?

Он говорит:

– Положи голову мне на плечо. Почувствуй меня, не бойся, – теперь я понимаю, что его настрой интимен, интимнее некуда.

Пытаюсь обратить эту неловкую ситуацию в шутку:

– Ничего, что мой муж здесь и смотрит на нас? – смеюсь, давая понять, что воспринимаю всё это как шуточный флирт, не более.

Но Марк не сдаётся:

– Твой муж не может сделать тебя счастливой. Ты таешь на глазах, потому что он не знает, как нужно заботиться о тебе.

– А ты, значит, знаешь?

– Знаю, – уверяет и сам мягко, но настойчиво прижимает ладонью мою голову к своему плечу. Я возмущена, но нахожу это плечо удивительно умиротворяющим местом. Алекс испепеляет нас взглядом, смотрит с такой злостью, какой я у него ни разу ещё не видела. Я не реагирую: буду делать, что хочу, а он пусть и дальше сдувает пылинки со своей ненаглядной Габриель.

Вечеринка удалась, весело всем и мне тоже не так печаль-

но как обычно. Я немного выпила, но алкоголь не то средство, которое может мне помочь.

Внезапно слышу истошные вопли Габриель, поднимаюсь и вижу: она выговаривает Лурдес. Конечно, я тут же ястребом лечу к месту конфликта, спрашиваю:

– Габриель, в чём дело? Кто дал тебе право поднять голос на моего ребёнка?

Сама оглядываюсь по сторонам, глазами ищу Алекса – сейчас мне нужна его помощь, ведь Лурдес и его дочь тоже. Но его нигде нет, и я вспоминаю, что они с Марком ушли в дом. Вообще, по моему личному опыту, нет ничего страшнее женщины, защищающей своего ребёнка. Мне приходилось многократно попадать в конфликтные ситуации из-за детей, и могу сказать, что неадекват встречается гораздо чаще, чем разумный подход к детским стычкам.

Стараюсь не терять самообладания:

– Габриель, прекрати, пожалуйста, кричать на мою дочь. Объясни мне, в чём дело, для начала!

– Она толкнула Аннабель специально! Аннабель могла удариться затылком о ступеньку, и её могло бы уже не быть! – её голос театрально срывается на рыдания.

Моё терпение ещё не исчерпано, я держу себя в руках, несмотря на то, что последние два года изрядно потрепали мою нервную систему.

– Габриель, дети всегда ссорятся, без этого практически не бывает контактов между ними, особенно в таком воз-

расте. Ты, как взрослый, должна объяснять, а не срывать свою злобу!

Все уже устали на нас, кто-то даже выключил музыку.

– Ты будешь учить меня сдержанности?

– Почему бы и нет, я старше и у меня больше опыта... – всё ещё стараюсь быть мягкой.

– Неужели? Да ты сама сдержанность и опытность, как я посмотрю, не считая того, что залила всю террасу своими слезами, страдая по моему мужу! Мы тут все так остороженько ходим последние пару лет, боялись поскользнуться! Но я смотрю, ты не унимаешься, так что мне уже стоит начать переживать, как бы не утонуть!

Чувствую, как злоба накрывает мой рассудок чёрной вуалью. Но я ещё держусь:

– Думай, что говоришь, Габриель! – медленно и чётко произношу эти слова, чувствуя, однако, что вмазала бы ей со всей дури, если б только она не была беременная.

– А что тут думать? Смирись уже, ему наплевать на тебя! Он спит со мной, он делает мне детей, прими это как факт и пойми уже, ему нужна я! Подбери свои сопли, наконец, и свали куда-нибудь, а то тошно тебя видеть!

– И ты всерьёз надеешься, что я сделаю это? – усмехаюсь. – Да каждая бездомная кошка в этом городе знает, что он ходит по земле только благодаря мне. Такая хватка, как у меня, тебе и не снилась, девочка! И ты всерьёз считаешь, что для *тебя* я вырвала его с того света? Поверь, детка, ты

всего лишь ничтожная песчинка в океане наших с ним отношений, и я выдрала его у смерти дерзко, больно не для тебя, а ДЛЯ–СЕ–БЯ! Запомни это хорошенько!

Rihanna – Sledgehammer

Время в немом пространстве вокруг меня останавливается. Все, кто был на террасе, смотрят уничтожающими, презирающими глазами.

Боже... неужели я произнесла всё это вслух? Ведь держалась же изо всех сил, старалась не терять человеческое лицо! Чувствую, как стыд и отчаяние накрывают меня, понимаю сама, как близка к краю пропасти.

Внезапно из общей массы отделяется фигура, за ней знакомый силуэт. Это Алекс – он был здесь всё это время, и он всё слышал. Его глаза смотрят на меня. Они злые, осуждающие, разочарованные. Это то, чего вынести невозможно, нельзя преодолеть, всё, что угодно, но только не его разочарование! Сегодня я не только уничтожила себя как личность в его глазах, но и унизила его самого при друзьях. Я словно достала из стерильной капсулы всё ценное, что было у нас двоих, и швырнула это в самую мерзкую грязь.

Это больше, чем я могу вынести.

В мозгу пульсирует зловещая мысль, да, та самая. О, Боже, мой разум даже не пытается меня остановить. Что я делаю? Куда я несусь? Вот дорожка к нашему дому, вот каменная лестница к пляжу, сам пляж, холодный песок под ногами. Я оглядываюсь, надеюсь зацепиться за что-нибудь – что-то, что

остановит меня, или, может быть, пусть это будет хоть кто-то... кто протянет мне руку, чтобы я могла только ухватиться за неё. Но нет, никого. И мои ноги несут меня дальше. Я бегу быстро, бегу легко, как никогда, так, словно я сухой лист, уносимый осенним ветром.

По щекам стекают слёзы – никто их не сдерживает, не контролирует, о них и не помнит никто даже.

Куда же я бегу? Кажется, знаю, в лагуну – там есть камни, много камней, есть выступ, и если с него спрыгнуть то... всё закончится. Вся эта изнуряющая боль наконец уйдёт, всё это унижение, безысходность; эта чёртова болезнь, наконец, прекратит терзать меня; чёртова работа, чёртовы люди, чёртов муж, достало всё так, что больше не могу, не хочу, не хочу, я не хочу жить...

Спотыкаюсь и падаю лицом на песок. Он налип на мои щёки, попал в рот – это ещё сильнее расстраивает меня, и я несусь с новой силой. Внезапно ощущаю прикосновение к своей руке и не сразу понимаю, что это. Затем моя нога цепляется за что-то, и я снова падаю, и снова лицом вниз, но это что-то не даёт мне упасть, подхватывает и держит, нет, уже с силой сжимает. В моих глазах вода и песок, я не могу понять, что со мной, вытираю лицо обеими руками, но всё равно ничего не вижу.

Не вижу, но слышу:

– Не смей! Слышишь? Не смей даже думать об этом! Никогда не смей! – он кричит и захлёбывается собственными

эмоциями, с трудом подбирает слова, чтобы оформить в них свои требования. – Если тебя не станет, не будет и меня! Я не останусь здесь, ты слышишь? Мне нечего здесь делать без тебя!

Он трясёт меня и повторяет снова и снова:

– Я не могу без тебя... Я не могу без тебя!

И я... понемногу спускаюсь на землю. Или наоборот поднимаюсь на поверхность? Из преисподней. Прихожу в чувство, понимаю, как близка была к трагично-бессмысленному, к проявлению слабости, несущей горе и боль другим людям – моим детям. Почему я вспомнила о них только сейчас? В моей голове вновь появляются человеческие мысли, роятся в ней, снуют, я снова живу. Затмение позади. Как хорошо, всё хорошо...

Родные руки сжимают меня как никогда сильно, так, что едва могу дышать. Я ощущаю его воспалённые губы на своих песочных щеках, у уха, он шепчет всё то же, но уже спокойнее, медленнее, вот они снова на моей щеке, затем прижимаются к моим губам, но не целуют. Он слишком зол на меня, чтобы целовать.

Спустя мгновение я на песке, он сверху, держит мою голову руками, вернее, сжимает, как тисками, будто хочет выдавить из неё все чёрные мысли. Но они уже давно просветлели, и я думаю о том, как же он догадался, что я собиралась сделать? Неужели почувствовал? Так тонко, так изящно проник в меня и защитил от самой себя?

Его рука судорожно задирает платье, стягивает бельё. Боже, думаю, что он делает?! Нас же видно с террасы! Мы далеко, но вполне можно всё понять!

Но он проделывает всё так быстро, что я не успеваю даже рта раскрыть. Один рывок, и он во мне. Какой стыд! Какой восхитительный, какой желанный, бесконечно долго ожидаемый позор! Моя личность раздвоилась... или расстроилась? Но, главное, часть меня уже получает наслаждение и... удовлетворение. Меня словно два года мучала жажда, и вот, наконец, я припала к источнику и жадно заглатываю чистую, прохладную воду, её молекулы заполняют мои клетки живой силой.

Но эйфория проходит быстро, даже слишком. И вот уже реальность давит на нас обоих своей зловещей ясностью — мы переступили черту. Грань дозволенности, разумности, пристойности. Мы сделали это публично на глазах у всех друзей, приятелей, своих супругов. Невозможно даже представить себе что-либо более омерзительное, чем это.

Омерзительное? Серьёзно? Разве это правильное, подходящее слово? Почему у меня такое чувство, будто я вру себе? Такое уж омерзительное? Это самая восхитительная, самая прекрасная вещь на свете, дарующая жизнь нашим детям, дающая ему силу, уверенность, это сладкое соитие в одно, разве оно может быть омерзительным? Я набираю полные руки его волос, сжимаю их, распрямляю, снова сжимаю: нет ничего более важного для меня во Вселенной, более до-

рогого, более нужного, ценного.

Есть только *мы*. Друзья уйдут, дети вылетят из гнезда, приятели рассеются, как дым, останемся только мы в объятиях друг друга – одно целое, две части его, беспощадно раздираемые собственной глупостью в разных направлениях.

Мы плетёмся по берегу медленно и держась за руки. Не говорим друг другу ни слова. Неизвестно, что будет теперь со мной, с ним, с нашими семьями, с нашей жизнью.

Я нарушаю молчание первой:

– Как мы теперь там появимся?

– Как обычно.

– После того, что мы натворили?

– Чем наглее ведёшь себя, тем сильнее тебя почитают.

Помнишь, чему равен интеллект толпы?

– Чему же?

– Интеллекту самого глупого в ней, разделённому на количество человек в толпе.

– Артём и Габриель не заслужили этого.

– Ещё как заслужили.

– Объясни!

– Что тут объяснять, всё ж ясно: есть мы с тобой и есть прихлебатели. Они, как гиены, всегда кружат над теми, кто делает что-то стоящее или обладает им, – сжимает крепче мою руку.

– Ты опять выражаешься абстрактно, жизнь ничему тебя не учит!

– Прямота слишком груба и невежественна.

– Но она спасает от многих недоразумений, а в нашем случае речь идёт о бедствиях!

– Хорошо! Я считаю твоего мужа подставщиком и альфонсом. Он живёт за счёт тебя, а в данный момент и за счёт меня, что совершенно недостойно существа, относящего себя к мужскому полу! Это отвратительно, ты хоть понимаешь насколько?

– Почему подставщик? Он помог мне, когда мне было плохо, не всякий может простить!

– Я читал вашу переписку, он подставил мне ногу в самый неподходящий момент! Тебе не приходило в голову, у кого главная роль в спектакле, в котором мы все играем в последние годы?

– А Габриель? Она любит тебя!

– Так любит, что выставила на посмешище перед друзьями, опустила тебя, хотя многим тебе обязана. Я бы сказал очень многим! Всем, чем она дорожит! Кроме того, она тоже очень ловко оказалась в нужное время в нужном месте. Так ловко, что я даже опомниться не успел. Ты думаешь, кого-нибудь из них заботит, что мы чувствуем? Чего *мы* хотим, жаждем? Посмотри, что они сделали с нами!

– Мы сделали это сами! Они тут ни при чём! Они просто любят нас и страдают из-за нас!

– Какая же ты наивная всё-таки! Не чувствуешь, не понимаешь, как тебя подталкивают к решению, которое ты вовсе

и не хочешь принимать!

Алекс так неоднозначно всё развернул, под таким углом я даже и не думала смотреть на всю эту картину. А ведь он прав: Артём подтолкнул меня. Человек, желающий добра, посоветовал бы не спешить и уж точно вначале во всём разобраться.

– А Габриель? Она от святого духа забеременела?

– Это вышло случайно.

– Ты поэтому женился?

– Не совсем.

– Почему же? Ты любишь её?

– Конечно, нет!

Алекс останавливается. Разворачивает к себе лицом, сжимает ладонями мою голову и, заглядывая в глаза, говорит:

– Я не люблю и никогда не любил Габриель! Она нужна была, чтобы показать тебе, что это!

– Что «это»?

– То, что я всегда чувствовал!

– Что ты имеешь в виду?

– То, как ты уходила от меня и шла к нему, ложилась в его постель. Его руки обнимали тебя, его губы целовали, его...

– Стоп! Алекс, остановись! Ты переходишь границы! Он был моим мужем!

– А кем был я? Разве ты не видела, что сделала со мной? Тебе не было жаль меня? Совсем? Теперь ты знаешь, что я чувствовал, теперь ты знаешь каково это. И теперь, может

быть, ты поймёшь, почему я принял то решение, которое тебе так не понравилось. А ты ну просто цинично приехала, чтобы сказать: «Нет, ты не можешь! Ведь мы в ответе за тех, кого приручили!».

Я стою оглушённая: выходит, он испытывал всё то, что и я за последние два года, и сейчас он говорит, что всё то же самое было у него, и когда мы встречались, и когда жили вдали друг от друга в течение пяти лет.

– Да-да! Я намного опытнее тебя в этом деле, и уже научился жить с этим. А тебе только предстоит, но ты оказалась совсем слабенькой. Я представлял себе всё немного иначе. Если бы только знал, что творится с тобой, я бы послал их ко всем чертям уже давно.

– А ты не знал?

– Не представлял, насколько всё плохо.

– Когда же ты понял?

– Когда ты дарила мне торт. Такой печали в глазах я не видел ни у кого и никогда, даже у родителей больных детей. И я решил тебе помочь. Ты знаешь, как.

– Ты подстроил всё со смотровым окном?

– Нет, конечно, – смеётся. – Я прекрасно знал, что ты его не закрыла, ты всегда забываешь. Я мог бы пойти и сделать это сам, или сказать Артёму, но мне нужно было побыть с тобой наедине. Разве тебе это не помогло?

– Помогло. На месяц.

– Только на месяц?

– Да, пока Габриель не сказала, что снова беременна.

– Чёрт, я не учёл этого.

– Да, и всё стало ещё хуже, чем было. Второго ребёнка ты тоже случайно сделал?

– Второго нет. Мне было хорошо с ней, спокойно. Я стал думать, что, возможно, у нас с ней всё получится. Она не противилась рожать, как ты, – смотрит с укором, – а детей чем больше, тем лучше. Ты же знаешь моё мнение на этот счёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.